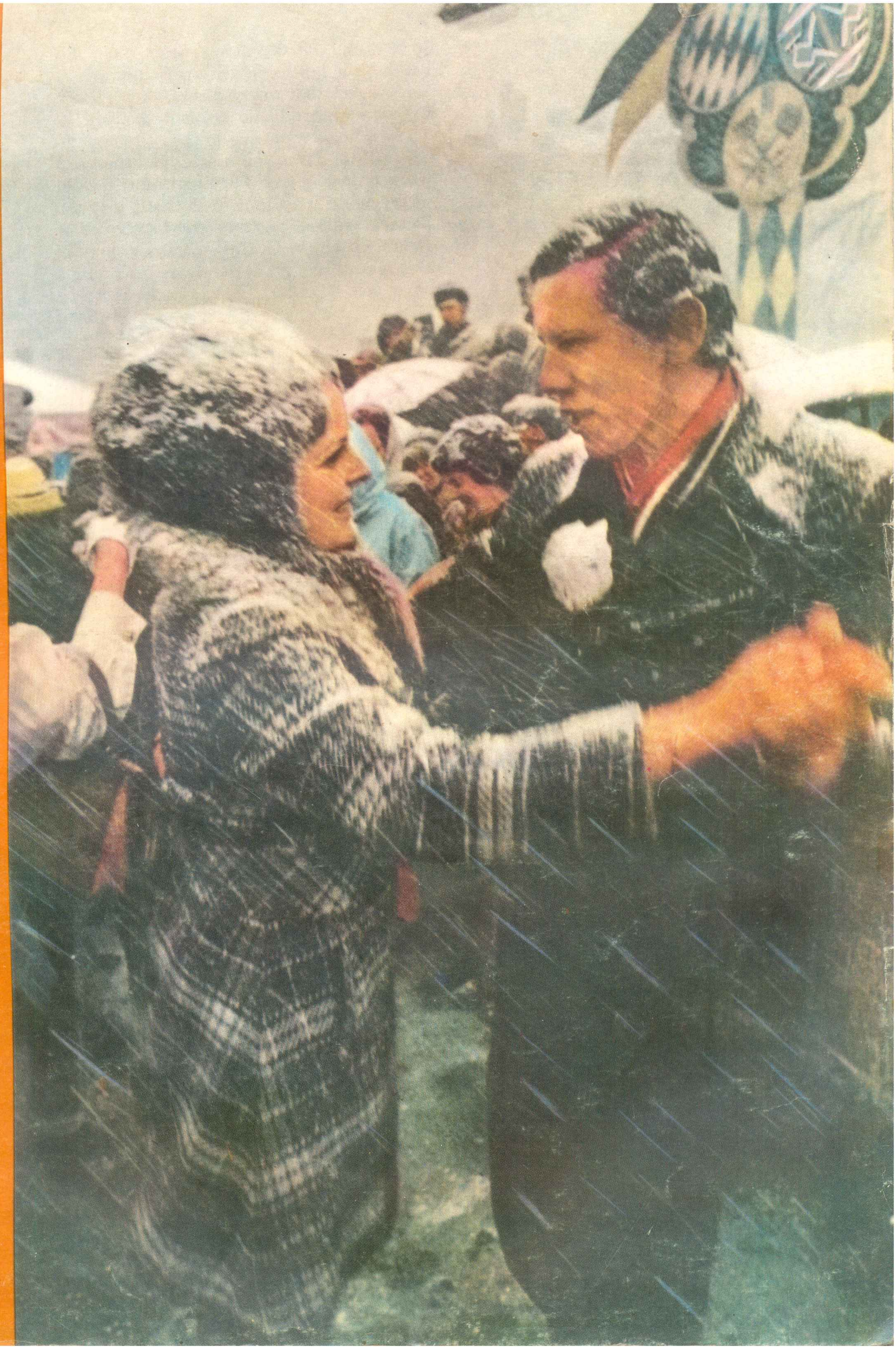
РОВЕСНИК

12 1975

РОВЕСНИК

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

Декабрь, 1975 год, № 12

На первой странице обложки: такой снег в ФРГ бывает, пожалуй, только в горах. И только под Новый год. Каждое первое января люди встречают с надеждой: пусть все невзгоды и неприятности останутся позади, пусть мир и счастье поселятся в нашем доме и доме соседа!.. На это всегда надеются люди под Новый год. И не только в ФРГ.

«ЛЮБОВЬ ДЛЯ МИРА. МИР ДЛЯ ЛЮБВИ?» и другие материалы на вечную тему, волнующую каждого человека и каждое общество.

УЧАСТНИКАМ ВСЕМИРНОЙ ВСТРЕЧИ ДЕВУШЕК

Дорогие друзья!

Сердечно приветствую вас — участников Всемирной встречи девушек.

Вы собрались в городе Москве — столице социалистического государства, где на практике осуществлена многовековая мечта женщин о свободе и равноправии. Наша партия и государство постоянно заботятся о создании всех необходимых условий для того, чтобы советская женщина в полной мере могла сочетать высокое призвание матери с творческим трудом, активным участием в жизни общества, широко приобщалась к культурным и духовным ценностям.

Ваша встреча — одно из крупных событий в рамках Международного года женщины, важный этап в развитии совместных действий прогрессивных сил молодого поколения в борьбе за коренные права и жизненные интересы молодежи. Вместе с широкими массами трудящихся женская молодежь борется против эксплуатации, власти монополий, за демократию, национальное освобождение и независимое развитие, против продолжающейся во многих странах дискриминации женщин.

Очень важно, что проблемы обеспечения подлинного равноправия женщин, их всестороннего участия в экономическом и социальном развитии общества обсуждаются на столь широком и представительном международном молодежном форуме.

Ваша встреча проходит в год 30-летия Победы над фашизмом, ради которой народы нашей страны, как и многих других стран, прошли через небывалые испытания, принесли огромные жертвы. Знаменательно, что именно в этом году успешно завершено Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, итоги которого имеют огромное значение для дальнейшего развития и упрочения разрядки международной напряженности. Процесс неуклонного оздоровления международной обстановки открывает новые благоприятные перспективы для объединения усилий всех прогрессивных сил, в том числе женской молодежи, во имя торжества идеалов свободы и равенства всех людей.

Мы, коммунисты, высоко ценим энергию и боевую антиимпериалистическую солидарность демократической молодежи, крепнущее сотрудничество которой достойно служит делу мира и социального прогресса.

От всей души желаю успеха вашей встрече.

Л. БРЕЖНЕВ

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

ПРАГА. 600 делегатов съехались в Прагу на очередную, традиционную, пятую по счету, встречу молодежи столиц социалистических стран. Она проходила под девизом «Мы строим социализм и коммунизм». Программа встречи включала обмен мнениями по работе с молодежью, встречи с чехословацкими юношами и девушками, культурную и спортивную программы, профессиональные смотры. По инициативе рабочих машиностроительного комбината «7 октября» из Берлина предполагается наладить обмен информацией и производственным опытом молодых рабочих из ГДР, Венгрии, Чехословакии и СССР.

БЕРЛИН. 330 молодых передовиков — строителей Байкало-Амурской магистрали провели две недели в гостях у молодежи ГДР. Разбившись на десять групп, участники поезда дружбы посетили различные округа республики. Так, в Эберсвальде послушать рассказ участников «стройки века» собрались сотни жителей округа Одер. В свою очередь, рабочие крупнейщего в Европе завода портальных кранов, поставляющего свою продукцию в Советский Союз, рассказали гостям о своей работе.

ПАРИЖ. Нашими современниками являются более 90 процентов ученых и исследователей от общего числа работников науки за всю историю человечества. В то же время, по данным ЮНЕСКО, 800 миллионов взрослого населения земного шара не умеют ни читать, ни писать.

БОСТОН. В Бостоне и ряде других городов США с первых же дней нового учебного года возобновились расовые беспорядки. Напряженность сохраняется в связи с попытками властей провести в жизнь программу десегрегации в школах. Всеобщее осуждение вызвал, в частности, поджог ультраправыми элементами дома покойного президента США Дж. Кеннеди, которого расисты причисляют к активным сторонникам идеи расовой интеграции.

МИНСК. В дни проведения III фестиваля дружбы советской и болгарской молодежи решением исполкома Минского городского Совета депутатов трудящихся одной из улиц столицы Белоруссии присвоено имя героини болгарского и советского народов Лилии Карастояновой, корреспондента «Комсомольской правды», погибшей в годы Великой Отечественной войны.

ОФФЕНБУРГ. «Красная кукушка» — массовая акция молодых рабочих в ФРГ. Ее эмблему можно увидеть на воротах тех предприятий, где объявлено о массовых увольнениях, где ущемляются права молодых рабочих. Сигнализируя общественности о наиболее острых проблемах, «Красная кукушка» призывает трудящихся к единству.

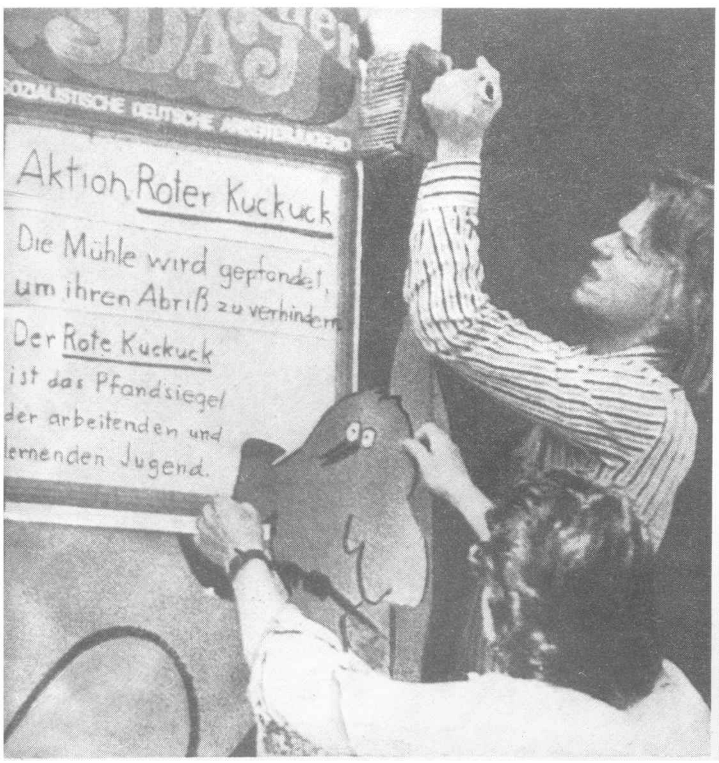
На снимке: «Красная кукушка» на стене предприятия, хозяева которого решили выставить за ворота группу рабочих.

БУДАПЕШТ. Прошел год с того времени, когда IX Ассамблея ВФДМ обратилась с призывом к демократической молодежи мира развернуть новую Всемирную кампанию под лозунгом «Молодежь за антиимпериалистическую солидарность, мир и прогресс». В рамках кампании проведены мероприятия, свидетельствующие о том, что призыв федерации нашел живой отклик в сердцах прогрессивной молодежи мира: более 2 тысяч человек участвовали в Дне антиимпериалистических действий 29 марта 1975 года в Бельгии; усилилась борьба молодежи против фашистского террора в Чили; в фонд строительства школы имени Нгуен Ван Чоя в Республике Южный Вьетнам собрано более 100 тысяч долларов; разработана программа работы интернациональной бригады имени Хулио Антонио Мельи (членами бригады являются медики, строители, специалисты по образованию, самодеятельные артисты), созданной для оказания конкретной помощи молодежи в разных странах мира; проведена консультативная встреча европейских молодежных и студенческих организаций в Балатоналмади (Венгрия), идет подготовка Европейской встречи молодежи, которая состоится будущим летом в Варшаве.

НЬЮ-ЙОРК. Попечительский совет государственного колледжа в городе Окленде отказал известному борцу за гражданские права, преподавателю философии Анджеле Дэвис, в месте преподавателя этого учебного заведения, которое она занимала до 1968 года.

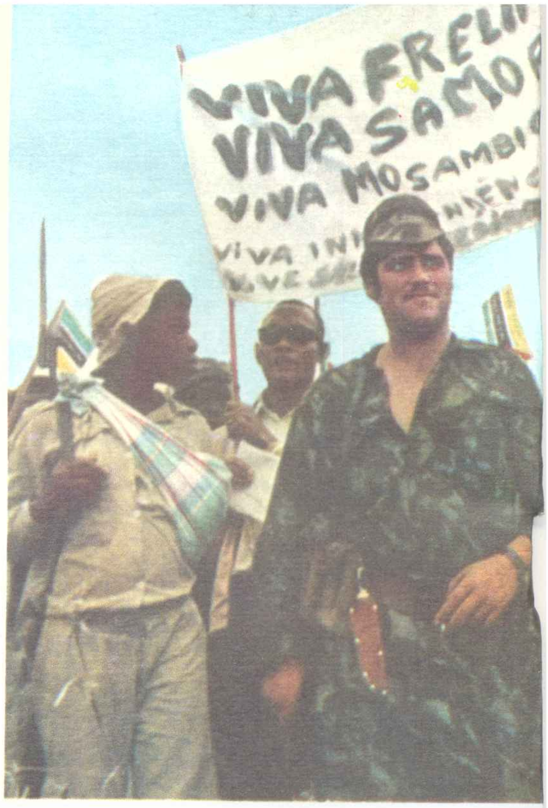
МИЛАН. Осенью в Италии произошли очередные повышения стоимости услуг. Железные дороги: в 1974 году билеты подорожали на 30 процентов, в 1975-м — еще на десять. Почта: на обычное письмо теперь наклеивается марка в сто лир, а не в пятьдесят. Плата за телевизор: 18 тысяч лир вместо 12 тысяч. Пошлина за пользование автострадами возросла на 10 процентов. Газ подорожал в два раза. Плата за телефон — на 40 процентов. По инициативе трудящихся профсоюзы вступили в сложные переговоры с правительством о необходимости снижения тарифов. Пока бюрократические инстанции без конца откладывают решение, налоги продолжают расти. В этих условиях и были созданы самодеятельные массовые «центры самоснижения налогов».

На снимке: молодые участники «центров самоснижения» объясняют прохожим, как заполнять телефонные квитанции без учета новых повышений налога.

смотрите: ПРАЗДНИК!

Наверное, человек не может без праздников! Иначе откуда бы и будням взяться? Есть между ними определенная зависимость — какие будни, такие и праздники. И верно, лучшее состояние человека — это когда, как говорил Хемингуэй, «праздник всегда с тобой». Но пока что к празднику своему:

— весеннему цветению сакуры японские семьи идут через будничный и нелегкий труд;

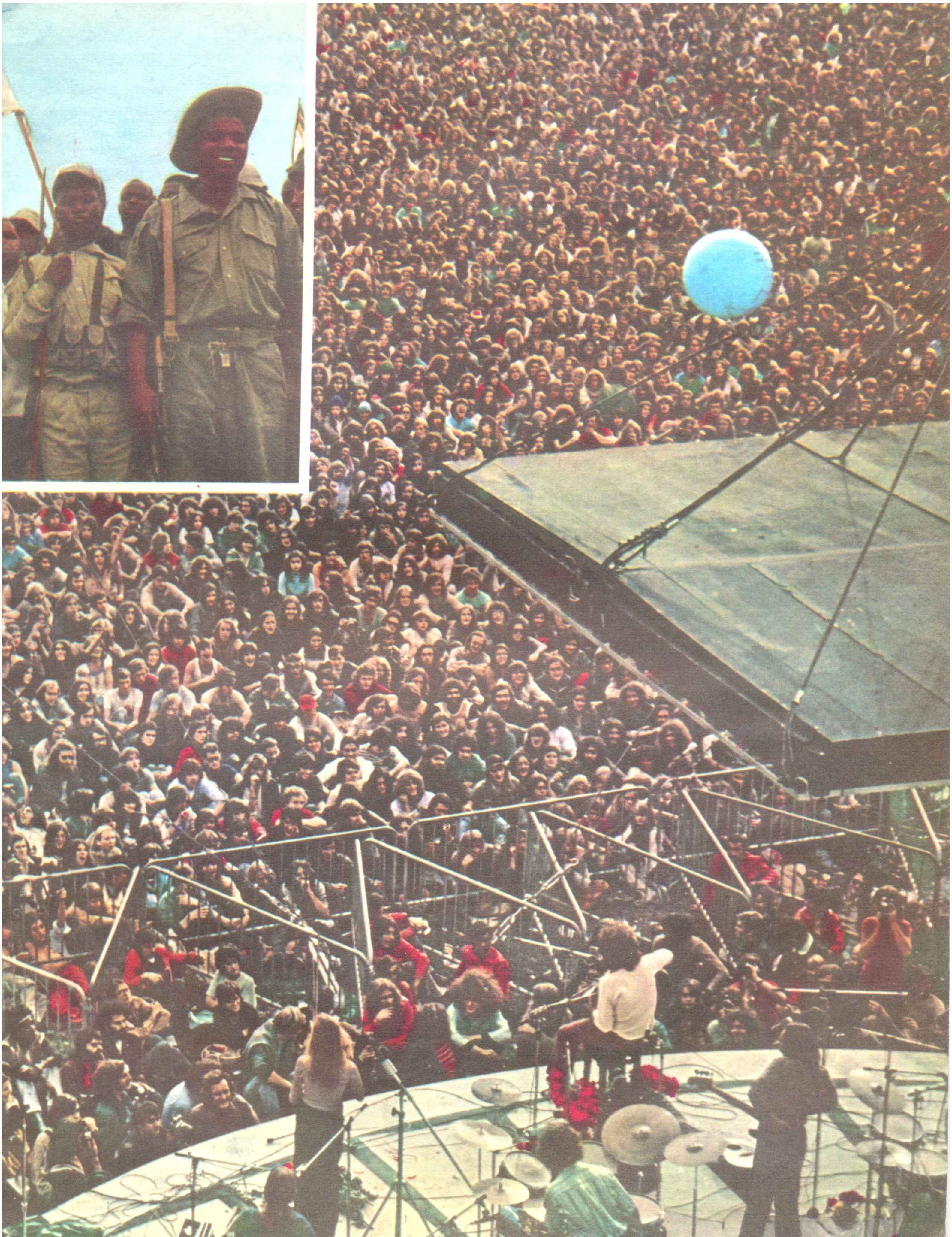
— Дню независимости Мозамбика бойцы ФРЕЛИМО шли через будничную суровую, не обходившуюся без потерь борьбу;

— традиционному празднику своей газеты «Юманите» французские коммунисты шли через будничный и страстный труд по сплачиванию трудящихся своей страны;

— сдаче нового дома в одном из поселков трассы БАМ молодые строители шли через будничный, но от этого не теряющий своей радости ударный труд.

Наверное, и в самом деле человек не может без праздников. Таких, каких он заслужил своими буднями.

ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ ПРИСУЩЕ СТРЕМЛЕНИЕ К ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В НАЧИНАНИЯХ И ДЕЛАХ. ЭТО ОТНОСИТСЯ И К ТОМУ ВЕЛИКОМУ ДЕЛУ, КОТОРОЕ ПРЕДПРИНИМАЕТСЯ СЕЙЧАС 35 ГОСУДАРСТВАМИ, ПРЕДСТАВЛЕННЫМИ В ХЕЛЬСИНКИ.

Из выступления Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. БРЕЖНЕВА на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе

ЧЕСТЬ ЕВРОПЕЙСКОГО ЧАСА

Г. ЯНАЕВ,
председатель КМО СССР

Мир молодеет. Сегодня по статистике ООН молодежь до 28 лет составляет свыше шестидесяти процентов населения земного шара и более половины населения Европы. Эти демографические истины, хоть и стали привычными, не потеряли все же привкус радости и тревоги. Мы говорим — мир молодеет — и тут же невольно задаемся вопросом, а каким же он будет, насколько оборудован для жизни; и какими станут сегодняшние молодые, а завтра ключевые в политике, экономике, культуре, во всех областях общественной жизни люди? Легче задать сто вопросов, чем ответить на один, потому-то и полон тревоги связанный с неизвестностью наш вопрос. С радостью же, на мой взгляд, его объединяет то простое соображение, что молодеет мир, лишь когда нет войны. С войнами мир стареет, ведь они всегда выкашивают преимущественно молодых. 3,5 миллиарда, в основном молодых, было убито за 5 тысяч лет, за 14 тысяч войн... И сколько из них в нашей Европе! Статистика знает ужасные вещи: она, к примеру, утверждает, что те же 3,5 миллиарда человек теперь могут быть убиты за несколько часов — ведь на каждого, в том числе и европейского, жителя приходится по 15 килограммов тринитротолуола... И все же мир пока молодеет: тридцать последних лет человечеству удавалось предотвратить большие войны и с бо́льшим или меньшим успехом тушить пожары локальных войн. Мы говорим с удовлетворением о том, что мир удалось удержать от ядерной катастрофы, о том, что многие «малые» войны заканчивались скорее, чем они могли бы закончиться (и удовлетворение это тем более понятно, что породило его не чудо, а больше всего наша собственная спокойная сила и наша действенная, в делах проявлявшаяся вера в справедливость, разум); и все же тревога всегда сопутствовала этому удовлетворению потому, что вопрос, каким быть миру, каким он достанется молодым, нас тоже никогда не покидал. Ведь, если и есть что-то одно, самое главное, от чего целиком зависит будущее, зависит молодость, так это ответ на вопрос: будет завтра мир или война?

Когда 1 августа делегаты 33 европейских стран, США и Канады собрались во дворце «Финляндия», чтобы подписать Заключительный акт теперь уже исторического Совещания, за их спиной были годы трудных переговоров, два года кропотливой работы в Женеве, три тысячи заседаний, 800 тонн заслушанных и обработанных документов, карт, справок, заявлений. А на подковообразном огромном столе лежала перед 35 делегатами папка зеленой кожи, доставленная специальным самолетом из Женевы в Хельсинки.

Через час текст, лежавший в папке, был подписан.

Европа не забудет этого часа не только потому, что он благодаря прежде всего инициативе и активности Советского Союза, других социалистических стран позволил ее народам сделать крупный шаг от роковой грани, за которой маячит угроза ядерной войны («Государства, представленные в этом зале, — сказал генеральный секретарь ООН, — обладают 80 процентами мирового вооружения»), не только потому, что он открыл путь к упрочению безопасности и развитию сотрудничества между народами, но и потому, что он стал часом торжества мужества, мудрости и оптимизма.

«У каждого часа есть своя честь», — писал Томас Манн, имея в виду, что не одною надеждою на «часы праздника» живет человек, что бывают на его пути и часы отчаяния, и часы крайнего напряжения сил, и часы терпеливого труда, и часы сомнения — без них не бывает «часов праздника». Так, верно, бывает не только у человека, но и народа. Разве пришел бы этот час без неимоверно трудной победы советского народа в прошлой войне, принесшей не только гибель фашизму, но свободу, а с нею и справедливые границы многим странам Европы?! Пришел бы этот час без нашей кропотливой, самоотверженной работы, сделавшей страну мощной, а ее Вооруженные Силы неодолимыми?! Был бы этот час без неустанной борьбы за идеалы справедливости, возвысившей голос простых людей Европы до голоса, в конечном счете решающего судьбу континента?! Был бы этот час без твердой, не поколебленной годами «холодной войны» решимости «...помочь, — как говорил товарищ Л. И. Брежнев, — постепенному формированию новой эпохи в жизни древней Европы, — эпохи разумных отношений и взаимного доверия», решимости претворить в жизнь Программу мира?! У каждого часа есть своя честь, все дело в том, чтобы быть на высоте ее...

Иные западные журналисты сравнивали хельсинкскую встречу в верхах с небезызвестным Венским конгрессом 1815 года. Но не выдерживал тот конгресс сравнения: прежде всего по сути своей — ведь на нем сильные мира того перекраивали после победы над Наполеоном карту Европы, нимало не заботясь об интересах народов. Любопытны были комментарии английского премьер-министра и французского президента на это вольное журналистское сравнение. «Собранием элегантных марионеток» назвал Венский конгресс Гарольд Вильсон. А Жискар д'Эстен, говоря о численности делегатов, заметил, что ему как-то довелось видеть стол заседаний Венского конгресса, который теперь хранится в одном из французских замков. «Он удивительно мал. Вряд ли за ним уместились бы даже те, кто сидит на нашей ассамблее в первом ряду».

Даже такие частные детали говорят, как мне кажется, о двух важнейших особенностях хельсинкской встречи: она представляла не только все народы Европы, но и все основные, жизненно важные их интересы. Борьба за разрядку, за сосуществование и сотрудничество была в последние годы сутью жизни нашего континента и всех его народов. Выполняя Программу мира, принятую XXIV съездом партии, советский народ всегда был в авангарде этой борьбы, а это значит, что в авангарде была и советская молодежь. В этом видели главную цель своей деятельности Ленинский комсомол, Комитет молодежных организаций СССР.

Если попробовать сейчас проанализировать главное направление практической деятельности прогрессивной молодежи Европы, то, несомненно, это окажется стремление к сплочению, объединению различных слоев молодого поколения, всех значительных политических и идеологических течений в общем движении за мир. Да и как представить себе борьбу за *коллективную* безопасность, за *международное* сотрудничество без реальных коллективных международных усилий. Уже в 1970 году в Мюнхене в первой конференции молодежи европейских стран приняло участие 300 представителей молодежных организаций из 26 стран Европы. (Напомним, что в Хельсинки Европу представляли 33 страны.) Такими же представительными были молодежная конференция за безопасность и сотрудничество на континенте во Флоренции — 1971 год, конференция в Хельсинки — 1972 год, III консультативная встреча молодежных организаций Европы в венгерском городе Балатоналмади — 1975 год; активное участие европейская молодежь и ее организации приняли в Ассамблее общественных сил в Брюсселе — 1972 год и 1975 год; во Встрече трудящейся молодежи в Москве — 1972 год, в X Всемирном фестивале молодежи и студентов в Берлине — 1973 год, во Всемирном конгрессе миролюбивых сил в Москве — 1973 год. Во всех этих встречах, зачастую сводивших за один стол переговоров представителей молодежных организаций, еще вчера не хотевших знать друг о друге, а порой и враждебных, советские молодежные организации выступали инициаторами или активными участниками. Терпеливо и осторожно, последовательно и без устали представители прогрессивных организаций искали на этих встречах дороги к безопасности и сотрудничеству в Европе, искали то, что на этом пути их объединяет, а не разъединяет.

«Надо и впредь, — говорил на XVII съезде ВЛКСМ Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев, — находить основу для совместной работы со всеми, кто искренне заинтересован в развитии взаимопонимания и сотрудничества молодежи разных стран во имя ее лучшего будущего». Этими словами и руководствовался комсомол в своей международной деятельности.

Опыт последних лет доказал, что молодежь, выступая в союзе с остальными демократическими силами, способна влиять на принятие таких решений на государственном уровне, которые имеют принципиальное значение для ее будущего. Европейская молодежь, к примеру, сыграла видную роль в ратификации ФРГ «восточных договоров», в движении за международное признание ГДР, за созыв Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Успехи молодежных сил в борьбе за европейскую безопасность, впечатляющее единство действий во имя идеалов мира и сотрудничества уже давно нашли высокую оценку. Примечательно, что участников уже упоминавшейся конференции в Мюнхене, где расположена штаб-квартира неисправимого апологета «холодной войны» Франца Йозефа Штрауса, участников конференции, повторим, в ФРГ, традиционно одной из горячих точек Европейского континента, приветствовал тогдашний федеральный президент д-р Густав Хайнеман. «Молодежи, — писал он в телеграмме, — не обремененной тяжестью прошлого, выпала на долю задача стать зачинателями в вопросе международного взаимопонимания. Таким образом, она должна разделить коллективную ответственность за установление мира в Европе».

На наш взгляд, однако, прогрессивная молодежь мира делит коллективную ответственность не только за установление мира в Европе, но и за то, что в этом европейском мире происходит. Передовая молодежь никогда не относилась к борьбе за мир как к некой отдельной, «параллельной» задаче. Мир — это гарантия будущего, и это дополнительный шанс осуществить свои чаяния, надежды. Мир возвращает в сферу производства материальных и духовных ценностей многие миллионы молодых людей, ведь абсолютное большинство солдат — молодые парни. Мир благоприятствует расширению экономического сотрудничества и торговли между странами, что способствует повышению уровня жизни, занятости, социальному развитию. Так считаем мы, так считают и те люди на Западе, что имеют дело с реальными фактами. Министр внешней торговли Франции Норбер Сегар в недавнем интервью заметил, что «увеличение нашей торговли со странами Восточной Европы... увеличивает шансы на обеспечение полной занятости во всех секторах экономической деятельности. Это один из самых надежных шансов в борьбе с безработицей». Кстати, безработица особо сильна среди молодежи.

Разрядка напряженности, сотрудничество между странами с разными идеологиями никогда не отменяли для передовой молодежи борьбы за свои права, за социальную справедливость и прогресс. Наоборот, всякий шаг в этом направлении — скажем, крах фашистских режимов в Португалии и Греции — в глазах молодежи приближает Европу к более прочному, устойчивому миру. Есть нерушимый территориальный статус-кво, но нет и не может быть статус-кво социально-политического. Первый утвержден международными документами, второй — внутреннее дело каждого народа. Конечно, атмосфера разрядки непохожа на атмосферу «холодной войны», в которой реакционным силам было проще и вольготнее действовать под завесами военной истерии и антисоветского психоза. Широкое сотрудничество, солидарность демократических, в том числе молодежных, сил, столь свойственные разрядке, — дополнительный и высокий барьер на пути тех, кто хотел бы повернуть назад. Разрядка и в самом деле ставит в трудное, незавидное положение тех родителей «цивилизации капитализма», что с упорством, достойным лучшего применения, пытаются объяснить всеобщий кризис капиталистической системы рукой Кремля, агрессивностью социалистического блока, коварством Москвы и т. д. и т. п. Но одно из следствий разрядки в том-то и заключается, что мирное сосуществование как бы замыкает, запирает социально-экономические противоречия капитализма в рамках его собственных, внутренних законов.

Результаты Совещания в Хельсинки хорошо известны в нашей стране, потому мне хотелось бы здесь остановиться подробнее только на том разделе его Заключительного акта, что посвящен вопросам молодежи. Он приглашает все страны поощрять расширение контактов между трудящейся, проходящей профессиональную подготовку или учащейся молодежью; изучение молодежными организациями вопроса о возможных соглашениях, относящихся к формам многостороннего молодежного сотрудничества; соглашения или регулярные программы, относящиеся к организации обмена студентами, международных молодежных семинаров, курсов профессионального обучения и курсов по изучению иностранных языков; дальнейшее развитие молодежного туризма и предоставление соответствующих льгот; развитие контактов, обменов и сотрудничества на двусторонней или многосторонней основе между молодежными организациями, представляющими широкие слои трудящейся, проходящей профессиональную подготовку и учащейся молодежи; осознание молодежью важности развития взаимопонимания, укреп-

ления дружественных отношений и доверия между народами.

Прогрессивное юношество планеты расценило европейское Совещание как важнейшее историческое событие, как крупный успех всех миролюбивых сил в борьбе за предотвращение угрозы войны, как конкретное выражение того труда, который внесло демократическое движение молодежи Европы в обеспечение подготовки и успешной работы Совещания. Молодежь всех стран мира с особым интересом отнеслась к словам Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева о том, что Советский Союз рассматривает результаты Совещания не просто как подведение необходимого политического итога второй мировой войны. Это вместе с тем осмысление будущего применительно к реальностям сегодняшнего дня и многовекового опыта европейских народов. Что позиция эта не расходится с делом, свидетельствует и последняя инициатива Советского Союза — проект Соглашения о запрещении разработки и производства новых видов оружия массового уничтожения и новых систем такого оружия, направленный членом Политбюро ЦК КПСС, министром иностранных дел СССР товарищем А. А. Громыко XXX сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Тотчас же после Совещания человечество получило возможность убедиться в том, что те, кто стоит по ту сторону «границы мира», не собираются складывать оружие «холодной войны». Так, лондонская газета «Дейли телеграф» назвала Заключительный акт «никчемным»; «Нью-Йорк таймс» скептически объявила о наступлении «холодного мира» вместо «холодной войны»; западногерманская «Вельт» считала Совещание «призрачным миром», а агентство Синьхуа, и тут вырвавшись в лидеры противников разрядки, вещало: «Надвигаются темные тучи, и нарастает фактор войны — такова суровая реальность нынешней Европы». Что объединяет маоистов с крайне правыми в Европе? Они едины, отвергая разрядку, сделавшую такой значительный шаг вперед. В противовес достигнутой в Хельсинки договоренности о расширении общеевропейского сотрудничества и интенсификации переговоров о разоружении они выставляют свое требование — усиление НАТО и создание ядерных вооруженных сил этого блока. Они едины в главном — антисоветизме.

Около ста лет назад Александр Герцен заметил, что «в истории самое смертное преступление — быть несовременным». В том-то, наверное, и состоит честь нынешнего молодого поколения, чтобы доказать несовременность для будущего сторонников «холодных» и «горячих» войн. В том-то, наверное, и состоит честь нынешнего европейского часа, что, радуясь успеху сил мира и безопасности в Европе, мы видим впереди новые рубежи борьбы за материализацию тех обещаний, что несет в себе разрядка. Мы хотим, чтобы достигнутые договоренности оказали благотворное влияние на жизнь народов Европы, чтобы разрядка распространилась и на другие континенты. Большая роль в этом процессе отводится молодежи, и она, полностью отдавая себе в этом отчет, намечает дорогу на будущее.

В настоящее время советские молодежные организации, братские союзы молодежи социалистических стран вместе со всеми заинтересованными молодежными организациями Европейского континента ведут подготовку массовой общеевропейской встречи молодежи, которую предполагается провести летом будущего года в Польше. Для нас программными стали известные всем слова Леонида Ильича Брежнева о том, что суть дела сейчас в материализации разрядки.

ГДЕ МОЛОДОСТЬ ПРАВИТ БАЛ

В. СВЕТЛАНОВА,
С. РЕМОВ

Нет уж... Пусть собственное воображение описывает читателю сам бал — веселье танцующих пар, ликующий ритм музыки, праздничное и немного таинственное мелькание прожекторов и то возбуждение, которое охватывает всякого, кто переступает порог залы, где нынче правит молодость. Воображению тут легче справиться, чем даже искусному перу; ведь бал, надо надеяться, был у каждого. А значит, и живое воспоминание, ощущение его остается у каждого надолго, если не навсегда. Такая уж у памяти склонность — сберегать для будущих лет минуты радости и юности.

И если уж самый обыкновенный бал для памяти человека событие чаще всего необыкновенное, то что сказать о таком уникальном, собравшем в зале кинотеатра «Октябрь» 400 девушек со всего света! Еще днем все они работали в комиссиях Всемирной встречи девушек, обсуждали вопросы борьбы за мир и развития сотрудничества между народами, борьбы за равные права и активное участие женщин в политической жизни. И обсуждали, надо сказать, с завидной серьезностью, знанием дела, принципиальностью, а главное — убежденностью в своей способности внести существенный вклад в их решение. И вот те же девушки на балу. Да те ли? Где в этом буйстве озорной молодости, где в этом веселье через край их прежняя серьезность и зрелость? Нет, мы, разумеется, понимали, что серьезность никуда не делась, она, конечно же, была с ними, поскольку не надуманны, а жизненно важны для каждой из девушек проблемы, привезенные на эту встречу. Просто у бала свои законы. Им с радостью подчиняются все, а особенно молодые. Мы тоже не стали перечить законам бала и решили попробовать поговорить с девушками только об одном — о них самих, а еще точнее — тема эта, согласитесь, для бала никак не чужда — поговорить о любви.

Бал! Кружится, а больше твистует, прыгает, хороводом ходит и бьет в ладоши шумный, говорливый и смешливый бал!.. Ориентируемся в обстановке: пожалуй, лучше пробиваться к буфету. Туда, будто мощный магнит, притягивают беззащитных перед сладким фирменные пирожные ресторана «Арбат».

Наша первая встреча произошла именно здесь. Нелаго Амуниме оказалось двадцать лет, была она невелика ростом, стройна, кожа как эбонит. На голове — синий берет, как будто часть военной формы.

— Можно спросить, что вы думаете о любви, Нелаго?

— Ах, — отвечает на банту она, — о любви? Моя любовь... вы знаете, для меня он самый умный, самый лучший. Он очень высокий, тонкий-тонкий, но в то же время сильный. Мы подружились еще в школе, и он звал меня «звездочкой».

— Вы ведь из Намибии, правда?

— Да, но Намибию нам пришлось покинуть. Вы ведь знаете, что происходит у меня на родине... Так вот, мы оба участвовали в студенческой демонстрации, и, чтобы избежать ареста, оба потом покинули страну.

— Что же случилось потом? Вы расстались?

— Нет, сначала мы вместе попали в учебный партизанский отряд, но через некоторое время из-за болезни мне пришлось оставить его. Пока я живу на ферме, работаю и лечусь. Но скоро мы встретимся...

Представляемся: «Мы — из «Ровесника», а вы — из «Скандинавии». Девушки в ответ смеются: «Угадали!» — все блондинки, все высоки и светлоглазы, все удивительно «скандинависты». Выпаливаем нашу просьбу:

— Мы хотели поговорить с вами о любви.

— Ах, — по-шведски восклицает Хелена

Фото
М. Харлампиева

Нильсон и смеется. Ей решительно не хочется быть серьезной на балу. — Что толку говорить о любви? Я вот, наверное, свою проговорила. Мы столько с ним говорили о любви, а он был такой неприкаянный, такой слабенький, из тех, что все ищут себя и все не находят. Я, правда, хотела ему помочь. Но не получилось, — и Хелена улыбается. Но грустно.

— А вы сами сильная?

— Еще бы! Перед вами — бакалавр химических наук, — и Хелена улыбается и шутливо кланяется.

— Ну а если о любви в более широком смысле: о любви к людям?

— Тут я по-прежнему стою на своем — люди должны знать друг друга, чужие нужды, чужие заботы. Это же здорово, когда люди живут в товариществе, общности, равности. Беда только, что все это пока не получается. Наоборот, в мире столько жестокости, и человеку так трудно отстоять себя. Я поэтому и в женщине главным считаю то, что делает ее личностью. А еще я пожелала бы женщинам никогда не терять присутствия духа.

И Хелена улыбается.

У Вибеки Риемер умное и немного усталое лицо.

— Ах, — по-датски произносит Вибека, услышав наш вопрос про любовь. — Вы наткнулись на везучего человека: у меня счастливая любовь, да и с работой мне тоже повезло. Не удивляйтесь, что я сразу про работу вспомнила; одно с другим у меня как-то прочно связалось. Два года назад я закончила медицинский и вот работаю доктором. А у нас треть выпускников-медиков не могут найти работу. У меня, заметьте, 60-часовая рабочая неделя...

— Какая?

— 60-часовая с ночными дежурствами, ведь работаю в больнице. Муж, конечно, тоже работает, он статистик. Но приезжайте к нам, и вы в любое время увидите образцовый порядок в доме и в нашем садике. А все потому, что мы с мужем делим домашние заботы. Он печет сладости, готовит домашний мармелад, вообще половину блюд, колдует со стиральной машиной. У нас современная семья, и мы счастливы. А вообще я считаю — все, наверное, потому, что я такая везучая, что любовь не только в семье, но и между всеми людьми — это фундамент, основа жизни...

Обе эти молодые женщины будто специально созданы природой, чтобы представлять на разных международных встречах красоту женщин своих стран — Ганы и Сьерра-Леоне. Да и самих себя они представляют преотлично. Одна — оживленная, взрывная, моментально реагирующая на любой поворот разговора. Другая — куда сдержаннее, задумчивее; она, если угодно, даже томная, если б не неуловимый и все же заметный драматизм, идущий от характера.

— Ах, любовь, — тут же на ашанти подхватывает Фанни (а полностью Фанни Беатрис Донту). — У нас это теперь не проблема.

— Тогда Гана — единственная страна...

Фанни смеется:

— Я не так сказала: любить — теперь не проблема. Раньше ведь за девушку решали родители или мужчина, будущий муж. Мужчины всегда говорили первое слово. Оно же становилось последним. А теперь у нас шансы равны.

— Как прекрасно: любовь и никаких проблем.

— Действительно, хорошо. Только пока формально. А в жизни любовь еще проверяют доходом. А в жизни девушек часто так воспитывают, будто жизнь эта должна пройти для них на кухне...

— Ах, любовь... — задумчиво говорит на фульбе Ханна Моррис.

— Что-нибудь личное? — пытаемся угадать мы.

— У меня есть жених. Кстати, — улыбается Ханна, — познакомились мы на одном международном конгрессе.

— А кто он, Ханна?

— Он геолог. И ему уже тридцать лет.

— Наука требует жертв?

— Наука здесь ни при чем. Просто родители у нас еще неохотно соглашаются на женитьбу сыновей — не хотят, чтоб так трудно нажитые деньги уплывали из дому.

— А чем вы занимаетесь, Ханна?

— Я актриса. Драматическая актриса.

Ханна говорит о своей будущей семье, убеждена, что в ней не будет места пережиткам. Жена, считает она, не должна замыкаться в доме. Ее счастье не только в семье, но и в работе, в общественной жизни.

— Любовь и равенство всех людей — что может быть лучше! Я рада, что побывала в Москве, потому что увидела здесь женщин, которым можно завидовать и которым можно подражать.

Люсиния Диас очень тоненькая и очень решительная. У нее бледное подвижное лицо и черные прямые волосы.

— Ах, — быстро по-португальски реагирует на вопрос о любви Люсиния, — любовь сейчас не самое главное. Поймите верно: я вовсе не против любви. Просто жизнь у меня так сложилась... Мне было тогда 17 лет, и работала я на заводе. Он был студентом. Только потом поняла, как сильно любила его. И он меня любил. Знаете, в этом ведь не обманешься? Он умел очень красиво говорить и был, как бы это сказать, ну хотел, чтобы все его любили. Прошло несколько месяцев, прежде чем я поняла, что, несмотря на все слова о родине, борьбе, он-то на самом деле равнодушный. Я любила его взгляд, волосы, походку, но человека — человека! — полюбить не смогла. Быть с ним — значило самой стать такой же, как он. А мы в Португалии боремся сейчас за то, чтобы и самим стать другими и других подтолкнуть к новой жизни.

— Что же самое важное в такой борьбе?

— Ненависть к фашизму. И еще как раз то, о чем вы спрашивали. Любовь к людям.

— ...Это тысячи раз описано и отснято — бал. Но такой бал, что был в «Октябре», — пока все же редкость. И нам хотелось бы, чтобы у читателя осталось от него то же впечатление, что и у нас. Все эти девушки, с которыми нас свел на балу случай, вели один рассказ. Вернее, целый роман про любовь со множеством глав, со множеством судеб, радостей и печалей... Нет, ошибки здесь быть не может. Это наш, XX век, его последняя четверть. Это его проблемы вторгаются в личную жизнь каждого человека, и это усилия каждого и всех формируют его завтрашний день. Об этом в конечном итоге говорили во все дни Всемирной встречи девушек. Об этом, как видите, думали и вечером на балу. Он все же весьма существен, ответ на простой вопрос: «Что вы думаете о любви?»

Как сказала одна девушка, хорошо бы, если б любовь правила бал.

МЫ ХОТИМ, ЧТОБЫ МИРОВАЯ СИСТЕМА СОЦИАЛИЗМА БЫЛА ДРУЖНОЙ СЕМЬЕЙ НАРОДОВ, ВМЕСТЕ СТРОЯЩИХ И ЗАЩИЩАЮЩИХ НОВОЕ ОБЩЕСТВО, ВЗАИМНО ОБОГАЩАЮЩИХ ДРУГ ДРУГА ОПЫТОМ И ЗНАНИЯМИ, — СЕМЬЕЙ СПЛОЧЕННОЙ И КРЕПКОЙ, В КОТОРОЙ ЛЮДИ ЗЕМЛИ ВИДЕЛИ БЫ ПРООБРАЗ БУДУЩЕГО МИРОВОГО СООБЩЕСТВА СВОБОДНЫХ НАРОДОВ.

Л. И. БРЕЖНЕВ.
Из Отчетного доклада ЦК КПСС XXIV съезду партии

«МАЛЕНЬКАЯ ВЕНГРИЯ» В БОГОРОДЧАНАХ

Ю. ЛЕКСИН,
наш спец. корр.
Фото П. Старостина

От Южного Урала до Карпат на двух тысячах семистах пятидесяти километрах газопровода «Оренбург — Западная граница» живут и работают венгры, чехи, поляки, немцы, болгары.

Наш журнал уже дважды в этом году писал об этом огромном строительстве (№ 8 и № 11 «Ровесника»). Теперь как корреспонденту журнала мне довелось побывать в Карпатах. Прошло лишь два месяца, как сюда прибыли венгерские рабочие. Казалось бы, маленький срок, но не так уж он и мал для людей душевно открытых друг другу. Об атмосфере, в которой живут рядом, бок о бок два поселка — наш и венгерский, — мне рассказывали многие — и наши и венгры. Особенно же запомнился рассказ Дмитрия Ивановича Пархуца, заведующего отделом пропаганды и агитации Богородчанского райкома партии, человека, который сам вкладывает много сил, чтобы отношения эти были и добрыми и полезными. Вот этот рассказ.

— Я вам расскажу историю. Сентиментальную. А впрочем, можно и не называть ее так, это ведь как смотреть.

Есть такие случаи, что сразу всем в глаза бросаются, — сам не заметишь, так тебе расскажут. А есть неприметные. Так вот эта — неприметная. Впрочем, поселок у нас небольшой, всего три тысячи человек, и история эта произошла у всех на виду. Она ведь и не кончилась еще. Может, даже и не кончится никогда. И хорошо бы было, если б так.

Есть у них один венгр. Большой очень. И сильный. Огромный даже. Он у них на экскаваторе работает. В кабину влезет — всю ее занимает, кажется, что и не вылезти ему из нее, так и придется в ней жить. Однако вылезает. И даже легко это у него получается. Только уж когда он рядом со своим экскаватором стоит, кажется, в кабинку свою никогда не втиснется. Вообще, на очень большого человека смотреть всегда и странно и удивительно, будто он немного не так сделан, как ты сам; недаром говорят, что они в большинстве добрые — большие. И вот работал он на дороге. День работает, другой. Тепло как раз было, хорошая погода — солнце все время почти. А рядом луг. И там — мальчик с коровой. Корова ходит, жует, а он сидит себе, на машину поглядывает — на экскаватор. Ему-то интересно — мальчик маленький, совсем малыш.

Так они и глядели друг на друга: большой работает и нет-нет взглянет — сидит, значит, мальчик, пасет — и опять себе работает; а малыш тоже сидит, сидит, взглянет: урчит машина, венгр ему улыбается, корова у малыша спокойная — и ему, значит, тоже хорошо и спокойно. Чего человеку надо.

А потом венгр подходит к нему. Говорит что-то, улыбается, а по-русски — ну, ни одного слова — ни одного! Совсем не знает. А малыш по-венгерски ни одного. Вот так посидел этот большой, поулыбался, погладил по голове малыша и пошел. Опять работать.

На другой день снова они поглядывают друг на друга, только теперь они вроде как знакомые уже. Под вечер опять рядышком посидели. Малыш тоже что-то говорит. И не понимают оба — ничегошеньки! Но когда один говорит, другой помалкивает — не перебивает, слушает, кивает даже. Потом умолкнет большой, маленький что-то свое начинает рассказывать. Теперь большой слушает и тоже помалкивает. Друзья, да и только. Понравились друг другу.

Маленький к большому в гости наладился ходить. Придет вечером к тому в домик, а большой уже ждет его. Сидят, чай пьют, снова рассказывают друг другу что-то. И так хорошо им, что и всем вокруг тоже хорошо на них глядеть. Так хорошо, что никто никогда еще не смеялся над ними, а если б кто и попробовал, того, прямо скажу, невзлюбили бы. Хотя и правда странно: два человека — большой да маленький, и чудно все это. Вот сидят они напротив друг друга, разговаривают — и

один не понимает другого, то есть совсем не понимает, а так все серьезно со стороны, будто и вправду они беседуют. Только они и впрямь беседуют — не то что каждый свое, и понимают друг друга. Может, даже лучше понимают, чем те, которые на одном языке говорят иногда. И странно всем, и посмеиваются, но как-то, знаете, втихомолку посмеиваются, вроде бы как, знаете, крадут. Потому что нельзя тут смеяться — ты над ними будешь, а получится что над собой.

И вот так они полюбили друг друга, что большой — в отпуск венгры все почти в январе едут — хочет малыша с собой взять: показать свою семью, детей своих... А малыш тоже уж и не знает, как показать себя — принес ему кроликов двух. Большой даже растерялся. А малыш рассказывает ему, как кормить их надо, как играть с ними, чтобы им не скучно было.

Вот такая история произошла. А вообще, не знаю, приходилось вам задумываться над этим или нет, но те, кто приезжает в другую страну — не просто погулять, а вот так, как наши венгры, работать, жить, у них как-то само собою получается это: начинают они вначале как-то очень чисто жить, будто заново, будто они у себя ничего такого простого, самого обыкновенного и не замечали и не видели, а вот здесь заметили и детей, и зверей, и деревья даже... Так что много можно такого рассказывать. И как расскажешь, самому вдруг хорошо становится. Пустяк вроде, а хорошо. Нет меж людьми пустяков. Все хорошо или плохо.

Но вначале давайте вроде как сверху посмотрим на все это. Живет поселок, живут три тысячи человек... И вот начинает рядом происходить что-то огромное. Пока этого огромного вроде и не видно. Но все о нем уже знают и ждут. Это я про газопровод. И вот приезжают венгры, иностранцы, и их сто сорок пять. Но это только пока. И все-таки рядом с поселком уже есть другой: маленькие аккуратные домики, много березы — венгры почему-то очень ее любят. И свой поселок они зовут «маленькой Венгрией». Пока маленькой. На следующий год их будет тысяча. И выходит, каждый четвертый — вот прямо по улице вы пойдете, и каждый четвертый будет венгр. И лучше думать об этом сразу, заранее: как пойдет этот четвертый, с кем он будет здороваться, к кому будет заходить, хорошо ли будет ему, хорошо ли будет от него тем трем, которых он встретит? Это вроде бы голая арифметика, и все будет, наверное, не так, не совсем так, но главное все-таки так: они будут жить здесь, среди нас. И живут уже, и очень хотят жить не в стороне, а вместе с нами, среди нас. Очень сильно хотят. Деликатные, кстати, люди — на редкость. Не могу сказать, что тут идет от натуры, а что от той простой причины, что они как бы в гостях — в гостях ведь человек совсем другой, чем у себя дома. Так вот, что тут от чего, понять трудно, может, даже невозможно. А может, и не надо этого делать — понимать. Это все равно, что сердечность раскладывать на причины... Стоит ли?

И знаете, таких случаев множество. Вот встречаю я, к примеру, своего знакомого милиционера. Он здесь много лет, я много. И вот случайно заходит речь о венграх, и он рассказывает: «Вчера в магазин зашел. Так, для порядка. В промтоварный. Гляжу, там венгры. Несколько молодых парней. Кое-кого я уже по имени знаю. Человек пятьдесят, наверное. Поздоровались, стоим. Они стоят смотрят. Просто так, вижу, глядят, покупать ничего не собираются. А тут мальчишка. Тоже от нечего делать забежал, трется у прилавка — у игрушек. Спрашивать тоже ничего не спрашивает, денег у него, ясно, нет, а посмотреть хочется. Гляжу, один из венгров все поглядывает, норовит угадать, что мальчишку интересует — там, на полках. Оказалось, мячик. Маленький, дешевенький такой — цена ему сорок пять копеек... Гляжу, отошел, покупает. Мальчишка тот отвернулся, конечно, вроде как даже собрался уходить, а сам тоже глядит, что тот с мячиком будет делать. Вот сейчас начнет тот здоровый парень играть — в магазине прямо. А парень подает этот мячик малышу. «На», — говорит. По-своему, по-венгерски. Играй, мол, на здоровье. Ты ж его хотел... Может, что другое сказал, не знаю, потому что много что-то говорил. Я уж вышел где-то на середине...»

Вышел, говорит... А я-то этого милиционера действительно давно знаю. Он тут недалеко в детдоме воспитывался. Такую историю не стал бы он придумывать. Но и не заметить не мог. Даже вышел...

А это и правда, наверное: первые знакомства в другой стране всегда с детьми. Взрослые самое первое время как бы немного со стороны глядят: что, мол, получится из этого, что за люди такие приехали? В каждой стране тоже разные люди есть. И у нас тоже и похуже и получше есть. И поди угадай, какие тут приехали. Только одно видно: с хорошими и плохой, когда все на виду происходит, тоже старается быть получше. Всегда, наверное, так. А потом все складывается — незаметно, потихоньку. И вот уж и люди ясны друг другу.

Вот, кстати, еще одна история. Тоже крошечная. Наша районная газета все обещалась мне напечатать ее, только никак что-то не напечатают. В районе дел много, а история вроде и действительно крошечная. «Вот, — говорят, — будет воскресная страница об охране природы, тогда и напечатаем». Никак что-то у них эта страница пока не выплясывается.

Работали венгры у шоссе. А тут несчастье — собака под машину заскочила... Все собрались, конечно, вокруг, стоят, руками машут, как водится, шофера ругают. Собака крутится на дороге — встать не может. Кто посмелей, к ней подошли, ощупали ее. Оказалось, не так все страшно: лапы ей отдавило, а так ничего. Но воет, конечно, собака... Посмотрели, посмотрели венгры — подождали, не придет ли хозяин: нет хозяина, никто не является. И что вы думаете? Бежит один к телефону звонить, тут же прилетает их «скорая помощь», накладывают ей шины на лапы, на носилки ее — и к себе, в свой поселок.

Выздоровела сейчас та собака. У них живет и уходить никуда не собирается. Они уж ей и имя свое дали — венгерское. И откликается она. А венгры мне говорят: «Вот теперь мы тоже как люди живем — дом настоящий стал: кошка у нас давно была, а теперь собака. И кролик даже есть. Можно жить, как в дом приходишь с работы». У них ведь у половины детство крестьянское. А что за дом у крестьянина, если в нем ни кошки, ни собаки? Пустой.

Как видите, тут многое как бы само собой получается. Но это всегда так, когда люди доброжелательны друг к другу.

Вот в воскресенье вечером... Венгры выходят после ужина — едят они в нашем ресторане, а на скамейках, на площади, уже сидят наши — старики, молодые. Тут самые разговоры начинаются. О чем? Обо всем наверняка. О работе говорят, о том, кто как живет... У одного нашего, например, сын служит в Венгрии, так он просит их, когда те поедут в отпуск, навестить его. Вроде бы простая просьба, а отец, сами понимаете, может говорить об этом сколько угодно — речь-то о сыне. Говорят о том, когда и что они построят в поселке. Разумеется, это известно всем: строят они — это тоже по договору — самое необходимое поселку: школу будут строить, детский сад, два жилых дома на сто шестьдесят квартир. Для нас эти два дома просто огромны, таких еще не было у нас, а тут будут. Кому не интересно, когда и какими они будут, эти дома? Приток рабочих в поселок большой, жилье нас очень интересует. Вот я и говорю: все всё знают, но как-то вообще, а каждому еще и тонкости надо знать, так что есть о чем поразговаривать. Да и о той же насосной станции, которую они будут строить для газопровода... Сейчас они пока жилье строят — для тех, кто потом приедет, для своих же, а сама станция — это что-то вроде огромнейшего завода. Это впереди. Кстати, впереди и то, что жилье свое они тоже потом нам оставят. И это выгодно для поселка.

Это уже деловые вещи. Помните, я говорил: живет поселок, живут три тысячи, и вот начинает происходить что-то огромное, невидимое сначала. Но происходит тут же, рядом, среди нас. И вот уж видно дело — вот оно, оказывается, и польза от него всем. Такое дело и начинает принадлежать всем. И люди уже по-другому совсем друг на друга смотрят.

Опять я все о том, что никакой изоляции нет, да и не может быть. Купаются вместе, загорают. Венгры многие привезли свои велосипеды — разъезжают, глядят, концы здесь большие у поселка, хорошо они как-то придумали — велосипеды взять, — мудро. И соприкасаются люди буквально во всем.

Вот тут как-то идут двое по поселку. Просто так. Видят — свадьба. Интересно: как это у нас происходит? Встали невдалеке от дома. Ну их, конечно, затащили, усадили за стол: если уж заинтересовались, захотели посмотреть, так смотрите из-за стола — лучше увидите, будет что рассказать потом — были, мол, на настоящей свадьбе, а он был такой, а она такая.

А танцы по воскресеньям... Мы тут как-то выяснили для себя: а ведь с той самой поры, как приехали к нам венгры, девушек наших стало куда больше ходить на танцы. Ребята-то вежливые, красивые есть. Как тут не пойдешь?

И опять, можно ли все это считать, ну, как бы специально сделанным? Вряд ли. Тут уж несколько из них — пока не знаю кто — в райисполком приходили, спрашивали: как, можно ли на наших девушках жениться? Вот надо узнать, кто приходил.

А воскресник был... Отмечали они день своей конституции. И вот говорят: у нас, мол, этот день выходной — во всей стране, но мы отдыхать не будем, хотим работать — помочь чем-то вам, так же лучше: и вам полезней, и нам приятней, ближе будем друг другу.

Они в тот день кусок дороги строили. Хорошо работали, просто отлично. Но работа в выходной она и есть работа в выходной: в такие дни не только работают, всегда в такой работе какая-то нестрогость есть, в ней-то и радость тоже. И если она, кстати, есть, то это и прекрасно — значит, всем действительно по-настоящему хорошо. Так тут так и было. К обеду все и началось... Ребятишки сами им яблоки трясут,

груши. Тащат им на дорогу. Никто никого не посылал никуда, не заставлял и не убеждал: просто знали все, что это венгры празднуют свой праздник, и решили его праздновать именно так — чтоб ближе быть. Вот все близко и вышло... Назад ехали — уже и песни пели в машинах. До этого-то не пели, а тут так распелись. И впрямь праздник вышел.

И уже не разобрать, кто кому старается лучше сделать или больше: они ли нам, мы ли им? Мы им концерт тогда устроили. Настоящий огромный концерт. Это даже не то что долг платежом красен. Как бы сказать... не о платеже речь — просто так надо — и все. У них, кстати, случилось, что — на тебе! — никто не поет, не пляшет. А у нас свой оркестр — старики играют, красивые: одеты в национальное... И сыграли они им венгерские мелодии, это для начала. Что тут творилось в зале! Вскочили все, хлопают, кричат, смеются. Давай еще раз — и все. Никак не утихали. А старикам не хотелось то же повторять. Дождались тишины — и тут рванули чардаш... Правда, нет слов, как хорошо все было! Отчаянно хорошо.

А про футбол вы, конечно, уже знаете... Кто ж не знает? Но как все было... Перво-наперво договорились играть не в бутсах, а в кедах. Зачем ноги бить друг другу? Работать все же приехали — не надо, чтобы кому-то было плохо на другой день. Это уже было приятно. К тому же у нас вроде как профессиональная команда — колхозники из Грабовца. А у них кто? Любители просто.

Судил наш учитель физкультуры. Приходит он ко мне. Я, конечно, говорю: смотри, мол, международный матч получается — «Будапешт» — «Грабовец». Чтоб не обидеть! Смотри!

Потом договорились с нашими: больше трех не забивать, нехорошо будет, нечестно.

Началась игра. И правда, три мы им забили, но тут — на тебе! — один венгр сам как-то умудрился забить себе, в свои же ворота, дьявол! Но обиды никакой, веселье одно. Один венгр рядом со мной сидел, все время хохотал и только и мог говорить: «Настоящий циркус... настоящий циркус!»

А второй матч — еще лучше. Настоящее 2 : 2 вышло.

У них, оказывается, лучше игроки нашлись. Один бородатый особенно. Ничего наши не могли сделать! А уж судья как потом рассказывал... Счет 2 : 1 в их пользу, и тут случилось так, что надо назначать одиннадцатиметровый, в их ворота причем. И он назначил. А потом, потом, после игры, обошел всех до одного — тоже ведь не каждый день такие матчи судит, — так всех спросил: правильно ли, мол, назначил? «Нет, — приставал ко всем, — вы серьезно, прав я был или нет?» Ему говорят: «Да, прав». А он не унимается.

А цветы? Забыл про цветы. Это перед самым началом. Выбежали наши и каждому по букетику дали — венгру. А те вдруг разворачиваются — и все к трибунам, и кто с поклоном, кто как — все раздали нашим. Вот после этого и играй! Мы привыкли у себя — «в кость» часто играют, вроде бы по-другому и не умеют. А оказывается, нет, еще как умеют! И не только могут, но потом еще и довольны — будто вот прямо у всех на глазах что-то хорошее сделали. Впрочем, может, оно так и есть на самом деле.

А вообще, хорошего много происходит. Не перечесть всего.

Вот они с лекциями хотят выступать. Это просто видно, как они сильно хотят дать себя и взять как можно больше от нас. Дело уже не в материальном, что ли, смысле. Тут другое. Они желают дать нам свою Венгрию как бы из первых рук: устроить, к примеру, совместную фотовыставку. А мы со своей стороны готовимся. Во всех школах района — в старших классах — сейчас готовим вечера. Момент-то очень удобный. Ребята пока готовят свои фотовыставки по Венгрии, изучают ее историю, а потом — на вечер — мы привезем им, если можно так сказать, настоящих, живых венгров. Все будет попросту, почти семейно. Это уже не сухая лекция, а вот они, венгры, которые работают рядом с нами — для себя, для нас.

Да самый простой пример. Сейчас в нашем ПТУ готовим вечер цветов, и как-то само собой получилось, что будет там и огромный живой букет. «Венгрия» будет называться.

А они, например, хотят больше знать о наших республиках: просят сделать им вечер, посвященный каждой из них, с диапозитивами, с рассказами, чтоб показали им самое лучшее, красивое. А почему не показать? В этом-то как раз, может быть, самый большой смысл жизни их здесь, у нас — чтоб они нас увидели, узнали. Чтоб письма домой писали большие.

Насчет больших писем, это у них есть такой человек — Ференц его зовут, — отвечает у них за культурно-массовую работу. Учился у нас в Ленинграде. Как сам он говорит: «Вас знаю хорошо, а своих еще лучше». Тонкий очень человек — деликатный и большой психолог. Рассказывает он так. Вот, говорит, по выходным — вечера большие — ребята письма домой пишут. Когда маленькие и грустные, а когда большие и веселые. Такие, что оторваться никак не могут — все пишут-пишут, и конца нет. Большие пишут, когда было что-то в этот день: где-то были, что-то видели, кому-то помогли даже. А маленькие пишут, когда день был большой и пустой, когда только сами с собой жили. И нехорошо это...

Так пусть они пишут о нас большие письма, пусть и дома у них радуются за них. Где он пока, газопровод? Его пока только инженеры в чертежах видят. А мы уж с людьми живем. И нам дальше с ними жить — три года...

Есть, правда, и сложности. Вот посмотрите их день, венгров. Работают они по одиннадцати часов, в шесть кончают. А это и для молодого человека не так-то просто, особенно если так вкалывать изо дня в день. Теперь взгляните на их неделю. Два раза в неделю курсы автовождения. Из ста сорока пяти человек, которые пока здесь, записалось на эти курсы сто пятнадцать. Считай, все. Вот уже два дня. Еще два раза в неделю русский язык. Тут, само собой, почти все. Может, за исключением того же Ференца. Вот уже четыре дня. Потом один вечер тренировки, соревнования — спорт, в общем. А каждый понедельник — давно уже заведено — кино. И выходит, осталось одно воскресенье. Вот тут мы вместе и планируем. Это и те вечера, о которых я говорил, и экскурсия во Львов, поездка в Яремчу, и пещеры тут есть прекрасные. Я уж не говорю просто о горах. Карпаты не надо хвалить, быть в них надо. И знаете, у так работающих людей жалко отнимать воскресенье. Я даже как-то подумал: сидели мы как-то, планировали все выходные дни этого года, сидим спорим, выбираем самое лучшее, а я про себя, не знаю уж и почему, думаю: «Вот они работают сейчас, изматываются, а даже не знают, что вот этого воскресенья у них уже нет, вот этого тоже». То есть нет для того, чтобы просто полежать, поваляться, простите.

А впрочем, может, и зря так подумал. Уж очень они теплые люди, неустающие. Помню, самый разгар уборки в районе. Приходят венгры и говорят: все видим, давай поможем. Поедем в любой колхоз, со своими машинами. «Ну что, — спрашивают, — мы можем для вас сделать? Не как благодарность за то, что вы нам, а просто, по-человечески». А тут дожди зарядили сумасшедшие. Должна же быть какая-то деликатность. Не посылать же их! Да, честно говоря, в это время у нас у самих простаивали и машины, и люди по домам сидели. Нельзя было убирать, невозможно. И так нехорошо получилось, нескладно. Вроде как отказали в самом добром. Ну это мы еще наверстаем.

А они изобретательны — прямо до восхищения. Приходит как-то тот же Ференц. «Вот, — говорит, — дом хотим построить. Ну не построить — помочь. Мы же, — говорит, — не с Луны свалились, тоже знаем: есть у вас, как и у нас, и везде, люди побогаче, а есть и победней. Есть у которых много детей и мал мала меньше». Кстати, тот большой с маленьким, о которых я рассказывал, так там в доме их семеро. «И вот, — говорит Ференц, — мы им поможем построить дом. Не все пойдем, только тот пойдет, кто действительно хочет. В свой выходной. И что, — говорит, — получится? Красиво получится. Есть, например, у нас один парнишка: волосы длинные, походка черт те что — ни с кем не разговаривает, и к нему, кажется, не подойдешь, не подступишься. Из пижонов, как у вас говорят. А на самом деле, — говорит, — я-то знаю, что это совсем не так. И не такой он, просто стеснительный до болезни, до страха. И вот этот человек, к примеру, будет строить дом, и все будут это знать — просто видеть будут. А потом... Потом он пойдет по поселку, и, ей-богу, у него даже походка изменится, и он тоже другом станет кому-то, наверняка даже. И на него уже никто не будет глядеть как на пижона. А ведь у вас, — говорит, — тоже такие есть. И они тоже пока вроде как неприступные. А тепла появится сразу сколько, настоящего уже...»

И впрямь, как красиво и просто. А если дальше смотреть? Семья потом будет жить в таком доме... Это ж на всю жизнь память. И детям еще, и внукам. Дом-то стоит лет пятьдесят, если хороший.

Или приходят еще. Вот, говорят, есть тут недалеко хорошее место, источник там. Вода, мол, прекрасная. Они, оказывается, со своим доктором уже съездили туда — это на краю поселка — и воду попробовали. Кстати, у них, у венгров, прямо любовь к таким местам — чтоб источник был обязательно, тишь — у себя дома не очень много таких мест. Говорят, хорошо бы парк сделать там, парк дружбы. Вы посадите деревья, и мы посадим. Место, мол, расчистим сами — понимаем, вам трудно выделить туда силы. И мы тоже не сразу, потихоньку начнем делать. Опять говорит тот же Ференц: «Что будет? Мы уедем, а память останется — и с вами, и с нами. — И усмехается, хорошо так: — Ведь деревья переживут нас».

Вот сейчас думаем над этим. Не так все просто. Надо участок чтоб выделили — официально уже. Надо сделать это все красиво — красиво и точно. А деревья действительно переживут нас.

Вот так мы и живем с венграми.

ЛЮБОВЬ ДЛЯ МИРА • МИР ДЛЯ ЛЮБВИ?

ЗАСЕЛЯЕМ ДОМ НОВОГО БЫТА ● ЛЮБОВЬ — ЗАБОТА ГОСУДАРСТВЕННАЯ ● ДОМ УЖЕ НЕ КРЕПОСТЬ ● ЖЕНИТЬСЯ НЕ МОГУ: НЕ НА ЧТО ● КОГДА РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА — СЕДЫЕ ● ЖЕНА КАК «СВОБОДНЫЙ АГЕНТ» ● ВЕЧНЫЕ СИЛУЭТЫ

НАБЕРЕЖНЫХ ● КУПИТЕ ЕЙ «МИСТЕР КЛИН»! ● ВНИМАНИЯ — ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ ● МОЦАРТ И СЕКС-АППИЛ ● ДЕВУШКА В ОЛИВКОВОМ САРИ ● МИТИНГ ПРОТИВ ЖЕНИТЬБЫ ● ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭПИЛОГ К ИСТОРИИ ОДНОЙ ЛЮБВИ ●

Любовь... О ней мечтают. О ней рассуждают. Любовь исследуют.

Каждый открывает ее для себя сам, но мир, в котором живет человек, и время, в котором он живет, такие же создатели человека, как и он сам. Нет сомнения, что сила любви, степень чувства связаны с тем, что впитала личность в период своего становления, на каких идеалах воспитывалась, каковы ценности современного ему общества.

Любовь — чувство общечеловеческое в том смысле, как понимал его Маркс, говоря: «Отношение мужчины к женщине есть **естественнейшее** отношение человека к человеку. Поэтому в нем обнаруживается, в какой мере **естественное** поведение человека стало **человеческим»,** в какой мере человек стал для себя человеком.

Любовь возвысила человеческую культуру, а культура, в свою очередь, своими лучшими созданиями отразила неисчерпаемость, красоту и вечность этого чувства. Для каждого поколения есть свои Тристан и Изольда, Тахир и Зухра, Ромео и Джульетта, Роберт Джордан и Мария, Григорий и Аксинья.

Великий английский поэт Шелли говорил полтораста лет назад: «Любовь чахнет под принуждением; самая ее сущность — свобода». Придавленная грузом отживших традиций или сковывающих нравов, сословных предрассудков или расовой, религиозной нетерпимости, любовь гибнет. Достаточно вспомнить трагедию Анны Карениной или историю жизни Эммы Бовари, романы Стендаля, пьесы Чехова... Нет любви без свободы, без свободного «союза чувств и дум».

Но любить — значит и чувствовать свою ответственность прежде всего за любимого человека, за свою семью, а значит, и за себя, за то, что ты делаешь. Одно дело свобода **для** любви, другое — свободная любовь. Об этом много писали поэты и философы, и среди них основатели марксизма. Энгельс, например, так отзывался о двух свободах любви: «...в каждом крупном революционном движении вопрос о «свободной любви» выступает на передний план. Для одних это — революционный прогресс, освобождение от старых традиционных уз переставших быть необходимыми; для других — охотно принимаемое учение, удобно прикрывающее всякого рода свободные и легкие отношения между мужчиной и женщиной». В. И. Ленин (в беседе с Кларой Цеткин) также ставил разделительный знак между буржуазной свободой любви и «свободой любви, как мы, коммунисты, ее понимаем».

Сегодня противостояние этих свобод резко обострилось. Кризис духовной жизни, к которому привело потребительское отношение «отцов» капиталистического мира, не мог не отразиться на молодежи, поколениях, открывающих для себя любовь. «Трепетное ожидание, горький мед проснувшегося чувства, высокое поле напряжения между любящими — на это у нас нет времени. «Не откладывай на завтра удовольствие, которое можешь извлечь сегодня», — твердят нам», — говорит французский писатель Жан Ко в недавней статье, тревожно озаглавленной «Не пора ли нам создать Общество по защите любви?».

У нас в стране социальный климат благоприятен для любви и семьи. Смерть собственничества и рождение новых, социалистических отношений создали предпосылки для развития личности, позволяют сделать любовь частью душевного творчества. Ибо любовь — это именно творчество: неустанная душевная работа по творению добра, радости между людьми.

И это не метафора, не красивые слова, а суть дела: в творении счастья, этого дефицитнейшего на земле продукта, и состоит глубинная суть любви. Для свободной и гуманной личности такое творчество счастья — единственный вид любви, который зеркально отвечает его психологии. Повторим: для свободной и гуманной личности. Иными словами, истинная любовь тем чаще выпадает на долю человека, чем эффективней «режим благоприятствования», установленный обществом для свободного развития в личности гуманистических качеств.

Любовь в высших моментах своего взлета возносит человека до уровня целого мира; в эти мгновения они говорят на равных. Но она же, любовь, обостряет все ощущения. И делает это отнюдь не только несчастная, безответная любовь, но и любовь счастливая, разделенная. В рамках социальной и материальной несвободы, в атмосфере неравенства или низкого жизненного уровня один только контраст между слепящими радостями, которые дает любовь, и тусклыми невзгодами, которые отравляют жизнь любящих, резко увеличивает горести людей.

Конечно, в одной журнальной подборке невозможно раскрыть во всей полноте сложнейшую взаимосвязь любви с окружающим миром. Мы хотим попытаться взглянуть на эту лирическую и одновременно социальную, политическую тему вот с какой стороны: насколько оборудована (вспоминая слова Маяковского) наша планета для любви? Как влияют социальные условия, общественный климат на самое интимное, самое личное из человеческих чувств?

Вы прочтете о том, как искажается любовь в мире, где она становится предметом потребления; какова ее «экономика»; почему она вдруг становится политической программой; как разлучают любящих сословные и религиозные препоны. Мы расскажем также, что конкретно делает для любящих социалистическое общество, наш мир, для которого счастье людей — высшая цель.

ЛЮБИТЬ ВЛЮБЛЕННЫХ ...

В. САГАЛОВА

Спор в городском сквере

„— Да бросьте, какая любовь в наше время! И зачем она?
— А мне дико хочется влюбиться! Не могу!
— Не надоело вам?
— Нет, братцы, скоро все будет запросто: понравился — подошел — спросил: да? нет? И вся любовь...
— Дайте мне-то сказать!
— Глупая ты, пойми: любовь закрепощает, начинаются всякие мучения, то, се; любовь — кабала, а секс — свобода...
— Правильно, современному человеку некогда!»

Это спорит группа наших вчерашних школьников в городском скверике. *«Они молоды, на дворе весна, за деревьями контур города, машинный грохот улицы, солнце. Разговор быстр, перебивчив, небрежен, но спор не так прост»*, — предупреждает нас драматург.

«— Любовь, братцы, психическая аномалия!
— Если я умру из-за женщины, то только от смеха!
— Айда, ребята, чего расселись!
Все смеются и вдруг, так же внезапно, как пришли, скрываются, уходят, летят. Парень и девушка тоже идут за всеми. Они влюбленные.
ОН. Замерзла? Чего же ты? Иди сюда!
ОНА. Валечка, милый мой...
ОН. Алечка... Ты меня любишь?..
ОНА. Да. Очень. Подожди... Ой не могу!.. Подожди, а что было у тебя?.. Ну подожди! Мы с тобой все-таки глубоко глупые!
ОН. Дети!
ОНА. Вокруг нас опасности, а мы...
ОН. А мы целуемся... Мы же счастливые! Я люблю тебя...»

Вот они стоят, обнявшись, в подъезде. Ироничные, модные, насмешливые, все понимающие, во всем уверенные — и беззащитные перед своим чувством, оглушившим их, поставившим перед ними огромные вопросы без ответов, потребовавшим решать, выбирать, отвечать.

Вечен спор о любви. Но так же вечны слова: «Я люблю тебя...» *«Ужели и любовь не модна, как камин? — Аминь!»* — спрашивает насквозь современный поэт Андрей Вознесенский. Но он же и отвечает: *«Не вечны времена монархов и царей, но вечны имена — Наташа и Андрей!»*

Мы не будем продолжать спор о любви. Она существует, скажем мы, и этого достаточно. Отрывок из пьесы Михаила Рощина «Валентин и Валентина» понадобился нам, чтобы лишь подтвердить саму принадлежность такого спора к нашему дню. И то, что он так же, как во все времена, остр, и горяч, и волнующ, и необходим. И за небрежными фразами восемнадцатилетних «всезнаек» скрывается ожидание, и надежда, и озноб нетерпения, и волнение перед великим таинством жизни.

Мы вот над чем задумаемся... помните: «Вокруг нас опасности, а мы...» Какие же опасности подстерегают наших молодых людей? От кого и от чего надо защищать их любовь? И как это делать? И возможно ли это вообще — кому-то защищать любовь? И помогать влюбленным?

Приступая к этим размышлениям, давайте выдвинем такой тезис: ЛЮБОВЬ У НАС — ЗАБОТА ГОСУДАРСТВЕННАЯ. А если кого-то эта формулировка смутит не подходящей к предмету разговора суховатостью, выразимся иначе: ВЛЮБЛЕННЫХ НАДО ЛЮБИТЬ!

Он, Она и Газета

«Дорогая редакция! По-моему, надо придумать такой плакат, который висел бы над дверью загса и строго бы всех спрашивал: «Готов ли ты к семейной жизни, сможешь ли обеспечить свою семью и сохранить ее? Виктор Х., Днепропетровск».

«Дорогая редакция! Мы с Алешей дружим два года, и все у нас хорошо, кроме одного. Мне нравится певица Валентина Толкунова, а Алеше нет. Из-за этого мы постоянно ссоримся. Жду вашего совета, как быть? Наташа, Усть-Каменогорск».

«Я сейчас живу как на ощупь. Иногда мне кажется, что пришла настоящая любовь, что это мое счастье, иногда, что это просто увлечение или дружба... Вместе с этим странным жгучим чувством ко мне пришла любовь к природе. Никогда раньше я так не любила солнце, деревья, цветы. Могу часами смотреть на облака, бродить по лесу и полю, слушать птиц. Все еще считают меня глупой и маленькой девочкой. А я хочу узнать: как надо жить, какая она, любовь, и что главное в жизни, и что такое счастье, и как мне быть? Таня Р., Липецк».

«Я впервые в своей жизни столкнулась с бедой. И пришла она ко мне в образе любимого человека. Конечно, можно успокоить себя мыслью, что он «подлец», и постараться забыть его. Но что поделать с любовью? Любовь моя, униженная, растоптанная, продолжает жить. С. Ю., Красноярск».

...Письма, письма, письма. Первая тысяча, вторая, пятая. Особая почта. В каждом конверте — исповедь, тайна, вопрос, трагедия или счастье. Пишут старшеклассники и доктора наук, студенты и строители, учителя и актеры, инженеры и солдаты. Пишут дети и родители, бабушки и внуки. Поистине все возрасты покорны любви. И — ни одного равнодушного.

Этот «почтовый взрыв» порожден рубрикой, открытой два года назад в газете «Комсомольская правда», рубрикой, которая называется «Он и Она». Читатели хотели увидеть там и живую историю о любви, и познакомиться с умными советами психолога и педагога, и поразмышлять вместе с известным писателем. «Пусть она расскажет нам о сегодняшней любви, чтобы мы увидели, какая она, стала ли счастливее, больнее и острее?» «Не ограничивайтесь клубом для молодоженов! Ведь и у нас, шестнадцатилетних, столько вопросов, сомнений, которыми хочется поделиться».

А один читатель сформулировал так: «Может показаться, что писать в газете статьи про любовь смешно и глупо. Ведь любовь не формализуешь, не разложишь по полочкам, не уместишь в паре колонок. Про любовь романы пишут. А что может газета? И все-таки уверен: «Комсомольская правда», у которой миллионы молодых читателей, может и должна сделать очень много. Воспитывать культуру чувств, давать пищу для размышлений о самой тонкой сфере человеческих взаимоотношений, утверждать светлый и чистый идеал».

Сама по себе «любовная почта» — уже интереснейший и богатейший материал для изучения и раздумья. Такое разнообразие мнений и судеб, такая полифония характеров, житейских историй, эмоций, мыслей.

Но прежде задумаемся вот о чем. Тысячи и тысячи людей делятся своим сокровенным, своим «самым-самым» с газетой, надеясь найти в ней собеседника внимательного и участливого. В конечном счете это высшая форма доверия, когда человек открывает другому мир своих интимных переживаний, особенно если этот «другой» — газета. Как явление подобная вещь уникальна. Журналы, издающиеся на Западе (главным образом — женские), имеют у себя штатных специалистов по «сердечным делам», и читательницы обращаются к ним. Как правило, по конкретному поводу. И ответы в подавляющем большинстве случаев сугубо практического свойства: «Вам следует пойти к психоаналитику», «Посоветуйтесь с адвокатом», «Перемените прическу и внимательней отнеситесь к домашней одежде», «Попробуйте не обращать внимания» и т. п. Конечно, подобные советы кое-кому нужны и какую-то пользу, возможно, приносят. Но лейтмотив их — давайте действуйте, не ждите, не упускайте... Очень деловые люди эти консультанты. И любовь они трактуют по-деловому.

Что касается западных журналов «для мужчин», то там толки о любви как о сфере духовности показались бы ну просто смехотворными. Как пишет американский философ Эрих Фромм, «наши мужчины воспринимают женщину как автомобиль, который можно пустить в ход, нажав нужную кнопку. Для них счастье — это вопрос обнаружения нужной кнопки, а не результат продуктивной, богатой жизни, требующей усилий и риска». Разумеется, это относится не ко всем, но здесь отмечена тенденция.

Степень доверия наших читателей, молодых в особенности, к своей газете, повторяю, не имеет аналогов. И в этом доверии знак того, что социалистическое общество в целом выступает как хранитель чувства, его верный страж. «Любовная тема» утверждает себя энергично и прочно. И в обращении к ней все больше неоднозначности, она пронизана уважением к миру интимных переживаний, вниманием к духовной жизни нашего современника. Газетные выступления, читательские письма обозначают тот круг проблем, которые сегодня актуальны для влюбленных в нашей стране и от решения которых зависит эта хрупкая, неуловимая, нематериальная вещь — счастье.

Утверждение любви как высокой и самостоятельной ценности — это утверждение уважения к человеческой индивидуальности, к человеческому достоинству и свободе. Это борьба с ханжеством и «фигурами умолчания». И в этом смысле показательны жаркие споры вокруг фильма «Романс о влюбленных» и пьесы «Валентин и Валентина». Показательна и рубрика «Он и Она» с многотысячной почтой. Все это факты нашей общественной жизни, и в известном смысле они отражают принцип нашего общества, в котором главная цель и ценность — человек, его благо и счастье. А счастье не делится на личное и общественное.

Вместо разговоров об аисте

«Когда можно рассказывать о любви? Когда об этом спросят вас люди, в которых просыпается мужчина или женщина», — говорил В. Сухомлинский.

«От кого мы узнаем о любви? Мама? Она этой темы боится как огня. Учительница категорически сказала, что в нашем возрасте об этом думать рано. Так и получается, что первые сведения мы получаем от сверстников, шепотом. И остается на душе неприятный осадок».

Таких писем — множество. В одних рассказы о житейских драмах, в других настоятельные вопросы, в третьих сомнения, с которыми тоже нельзя не считаться: «Не кажется ли вам, что о вопросах пола не стоит рассуждать в аудиториях? Раннее знакомство с интимными сторонами жизни может вызвать у молодых людей цинизм, лишить первое чувство возвышенности и романтики».

«Я студент-медик, немного знаком с сексологией. Люди часто обращаются ко мне за помощью, за знаниями, которые должны были получить давно и далеко не из моих уст. Молодежь сегодня остро нуждается в повышении культуры полового воспитания. Но хороших и доступных книг по этим вопросам мало. А они нужны. Отрадно, что в последнее время этот вопрос ставится все шире».

Отрадно, что вопрос этот ставится все шире и настойчивее, повторим вслед за автором письма. Сегодня разговор идет уже не о том, надо ли его вести, а гораздо плодотворнее и конкретнее: как именно вести? Ответ подсказывают жизнь и практика: там, где сочетаются научность и педагогический такт, где учитываются возрастные особенности аудитории, эффект всегда высокий и положительный. И лучше всего, когда педагогические и медицинские усилия объединяются с родительским пониманием и помощью.

Учительница Н. Кузина из Кисловодска вложила в конверт анкеты с ответами старшеклассников, которые прослушали цикл лекций о взаимоотношении двоих: «Хочу, чтобы вы услышали голоса ребят, посещавших лекции», — пишет она. Вот один из таких голосов: «Лично я, прослушав ряд лекций, сделал много полезных выводов. На семейную жизнь стал смотреть иначе, чем прежде. Все грязные мысли отпали, а пришла глубина и понимание сложности жизни».

А вот еще ответ: «Да, многие нетерпеливы в отношении любви. Я тоже была такой же нетерпеливой до этих лекций. Мне казалось, что это чувство ко мне никогда не придет. Только теперь поняла, что всему свое время. Наступит и любовь... А главное — правду о любви лучше узнавать из уст умного наставника».

Часто, когда заходит речь об этой проблеме, ссылаются на эстонский опыт. Виднейшие психологи, медики, педагоги приняли здесь участие в разработке комплексной программы полового воспитания школьников, которая уже несколько лет внедряется в жизнь. Душа этой работы — врач и педагог, доцент Хельга Яновна Курм. Она же автор прекрасных брошюр для девушек. Одна из них так и называется: «Вместо разговоров об аисте...» И еще важная черта эстонского опыта: комитеты комсомола здесь тесно сотрудничают с учеными. В Тарту при горкоме комсомола работает клуб для молодоженов, читаются лекции «АВС супружества». Можно обратиться и к другим примерам — скажем, консультации психологов в Ленинграде, которые пользуются большой популярностью.

Где встречаться молодым?

Об этом думают демографы и социологи. Это же предмет практической заботы для комсомольских работников. Мы изучаем такие места встреч и знакомств молодых, как парки,

танцплощадки, уличные «стометровки». Ведь от микроклимата, от нравственной атмосферы этих «горячих точек» зависит и то, насколько плодотворным будет знакомство молодых. Что станет предметом их бесед. Чем наполнят они часы общения.

А молодежные клубы по интересам, а кафе? Мы привыкли воспринимать их как форму досуга, но одновременно это ведь и место встреч и знакомств! И, создавая «режим благоприятствования» разного рода «Аэлитам», «Терпсихорам», «Романтикам», ограждая их от пошлости и бескультурья, комсомол тем самым участвует в решении проблемы знакомства. В Прибалтике и Новосибирске, Алма-Ате и Киеве, Ленинграде и Свердловске накоплен богатейший опыт работы молодежных объединений по интересам. В Ташкенте недавно открылся Дворец молодежи, прекрасное современное здание, где есть и залы для танцев, и комнаты для кружков, и уютные бары, и уголки, где можно посидеть за чашкой кофе.

Интересен опыт Прибалтики. В июне каждый год здесь проводятся Летние дни. Проводятся для тех, кто вступает в совершеннолетие. Актеры и ученые, писатели и работники сферы обслуживания в эти дни главное внимание уделяют восемнадцатилетним. Для них создают лагеря отдыха, читают лекции, для них организовывают спортивные соревнования и встречи с интересными людьми. И в эти Летние дни молодые лучше и ближе узнают друг друга, обретают друзей. Возможно, на всю оставшуюся жизнь.

Есть и другие аспекты непростой проблемы знакомства. Вот что пишет Светлана Волошина из Харькова: «Мне 25 лет. Работаю в НИИ. Все идет, казалось бы, хорошо, но... Мечтаю иметь семью, а подходящего человека нет. Со мной в общежитии живет много замечательных девчонок, в основном закончивших институты. Им от 23 до 25 лет. Хорошие работницы, общественницы, скромные и трудолюбивые, они также мечтают об устройстве своих судеб. Не думайте, что мы пассивные и скучные девушки. Но где познакомиться с парнем твоего возраста? Иногда я задумываюсь, почему у нас нет какого-нибудь бюро, помогающего молодым людям знакомиться друг с другом? Все, мол, должно происходить по стечению обстоятельств. А если всерьез задуматься над этим вопросом ученым и для эксперимента организовать такую «Службу знакомства»?»

За «Службу знакомства» высказываются многие. В братских странах опыт такой есть, и многим одиноким людям подобные бюро помогли обрести личное счастье. Возможно, в самом деле попробовать и нам? Что касается молодых читателей, то они за.

Может быть, мы немного отвлеклись от темы? При чем здесь любовь, если речь идет об одиноких, скажет кто-нибудь. При чем здесь проблема отдыха? Но, между прочим, социологи утверждают, что тридцать процентов супругов знакомятся на отдыхе. А одинокие? Разве не имеют они права на счастье? И разве их счастье или несчастье не должно быть у нас общественной заботой?

Третьи лишние

Нет, речь в данном случае не о роковых «любовных треугольниках».

«Я дружу с парнем, — пишет Г. С. из Хабаровска. — Он работает слесарем. Поступал после школы в институт, но «срезался», пошел на завод и теперь не мыслит без него жизни. У меня высшее образование. И вот эти «ножницы» режут наши отношения. Нет, я не хочу с ним расставаться, мне с Алешкой очень интересно и легко. Но у моих близких твердое мнение, что «работяга» — темный человек. Отнюдь! Алеша любит музыку, разбирается в ней, много читает и размышляет о жизни. Его привлекают люди сильные, с открытой душой, добрым нравом. И стремление походить на таких сделало его добрым, честным, непримиримым к пошлости, лицемерию, эгоизму. Словом, он человек. И за это я его люблю.

Но под непрерывным обстрелом родителей, соседей, подруг я невольно съеживаюсь и становлюсь такой, каких презирает Алеша: суетливой, неискренней, трусливой. Родители просто убивают своей логикой: дружи с таким парнем, который и с дипломом, и человек хороший. Как будто можно любить по заказу! И вот я в отчаянии».

Кого любить, с кем связывать судьбу — это решать только самим любящим. Казалось бы, аксиома. Но в каждом конкретном случае ее приходится объяснять и доказывать заново. В нашем обществе давно уже любовь свободна от сословных, национальных, экономических обстоятельств, и это одно из величайших завоеваний советского строя. У нас, как нигде, велико число смешанных браков (и очень счастливых). Нам смешно сегодня слышать о «приданом» или «калыме». И разница в образовании тоже отнюдь не является преградой для счастья и духовной близости (напротив, часто она служит толчком и стимулом для взаимного роста, совершенствования). Здесь важная роль принадлежит и самим любящим — они должны уметь противостоять слухам и пересудам, отстоять свое право на любовь. И общественному мнению. И тем людям, которые волею обстоятельств оказываются причастными к судьбе двоих.

Наша газета с удовольствием писала о случаях, когда умное, ненавязчивое вмешательство в личные дела оказывалось полезным. Когда тактичная беседа помогала пробудить в юноше благородство; когда добрые посторонние люди оказывали молчаливую помощь девушке с малышом на руках. Когда, наконец, справедливо осуждалась человеческая низость и трусость... В этом вопросе не может быть однозначных, прописных рецептов. Но общий вывод, пожалуй, все-таки можно сделать: чем выше общественная культура, тем выше и культура чувств, тем больше гарантии, что в отношении к самому личному будут проявлены понимание, уважение, терпимость и доверие. Воспитывать неустанно эти качества — задача наша общая.

Свадьба в тайге

Было пятнадцатое июля тысяча девятьсот семьдесят четвертого года. В этот день на самой молодой стройке страны — Байкало-Амурской магистрали — родилась новая молодая семья: Любови и Михаила Тычкиных. Невеста — выпускница МИИТа, жених — механик-водитель гусеничных тракторов. Стол для этой свадьбы был накрыт под пушистыми лиственницами на 208-м километре трассы Бам — Тында — Чулыман, на месте завтрашнего разъезда. Пока здесь стояли лишь несколько палаток, а в загс молодые летели на вертолете. Словом, романтики было вдоволь. Но корреспондент «Комсомольской правды», побывавший на этой свадьбе, задавался вполне трезвым вопросом: «Что дальше?»

Да, молодая семья в молодом городе — это проблема особая, как специфичны сами молодые города в лесах новостроек. Ясно, где молодежь, там и любовь и свадьбы. Это естественно, это отлично — значит, люди обретают счастье, связывают с новым местом свою судьбу. Вот и редакционная почта свидетельствует, что в дальние края молодых толкает желание попытать счастья и в деле, и в любви. В молодости не делят счастье на личное и производственное.

Сотни ударных строек в нашей стране. И на них строятся не только гигантские комбинаты и гидростанции, не только новые кварталы, строится жизнь, строится личность, строится семья.

В молодых городах нет бабушек и дедушек. Рождающаяся семья здесь как бы лишена «корней», она абсолютно самостоятельна. В этом обстоятельстве есть и плюсы, и минусы. Плюсы очевидны. А минусы — в отсутствии семейных традиций, советов родных, опыта, который передается исподволь от старших к молодым. Вот почему роль наставников для молодоженов должны брать — и все чаще берут! — комсомольские комитеты, видя в этой заботе о быте новобрачных свой важнейший долг.

«С милым рай и в шалаше», — говорит пословица. Но всегда ли она права? Сегодня кончилось время палаток и времянок, и молодые справедливо стремятся жить если не сразу в комфорте, то хотя бы удобно, уютно, а главное, вместе. Ведь семья — это и малыш, который скоро появится и заявит о своих правах. Как облегчить молодой семье период становления, чтобы не подвергать любовь испытанию бытом? Это целый комплекс вопросов государственной значимости, в числе которых и развитие сферы обслуживания, и увеличение числа яслей и детских садов, и многое другое.

В Киеве и Перми уже существует опыт выделения молодежных ссуд на кооперативное жилищное строительство, и можно считать, что он себя оправдал. А в Калининграде сейчас проводится другой интересный эксперимент. Под эгидой комсомола здесь строится Дом нового быта, где предусмотрена максимальная разгрузка молодой семьи от бытовых забот, предусмотрена и разумная «кооперация» в уходе за детьми, в готовке пищи...

Молодая семья должна чувствовать поддержку и заботу независимо от того, где она возникла — на КамАЗе, на БАМе или в Москве. Так что свадьбы — это не только праздник влюбленных. Это еще и большой предмет государственной заботы. По улицам больших городов и по таежным просекам ходят в обнимку влюбленные, счастливые, беспечные, полные планов и надежд. Пусть же осуществляются эти планы!

Что же это значит — любить влюбленных? Как это их любить? И нужна ли еще чья-то любовь им, и так переполненным до краев собственным чувством?

Да, нужна. Нужно доверие и понимание, нужны опыт старших и знания науки, нужна поддержка на первых шагах самостоятельной жизни, когда так легко оступиться. А главное — нужно воспитание их собственных чувств, ненавязчивое, station назойливое, мудрое. Наше общество учит их относиться к любви как к высокому духовному творчеству, сохранять в себе ощущение любви как чуда, как тайны. Чтобы, познавая самое прекрасное из человеческих чувств, каждый становился лучше, добрее, богаче, благороднее и чище.

„ТЫ С НИМ ПООСТОРОЖНЕЙ..."

Элла ЧЕРЕПАХОВА

Для начала — три загадки

„Сколько лет вам должно исполниться, чтобы вы могли начать, не нарушая закона: а) закладывать вещи, б) сдавать металлолом, в) избрать профессией торговлю собой?»

Прочитав в одной из лондонских газет эти странные вопросы, с непостижимой логикой отобравшие и соединившие три, я бы сказала, довольно различных аспекта человеческой жизни, я тут же обнаружила, что мне здорово повезло. На все три загадки я могу получить бесплатные ответы, поскольку живу в Кемдене (Кемден — один из районов северного Лондона); кемденский же совет заботливо составил и выпустил своеобразный сборник «прав молодого человека с 5 лет до 21 года». От названия сборника — «Твои права в Кемдене» веет чем-то исторически отдаленным, феодальным. Вроде бы неизвестно, что можно, чего нельзя где-нибудь в Ислингтоне или Баттерси, но здесь, у нас в Кемдене, вы можете себе позволить: «в 5 лет пойти в школу»; «в 7 лет снять деньги со счета» (если он у вас, разумеется, есть); «в 10 — быть обвиненным в преступлении» (если уже совершили); «в 13 — покупать ракеты для фейерверка, домашних животных, быть нанятым на несколько часов для какой-либо работы, давать отпечатки пальцев, если против вас есть обвинение»; «в 14 — принимать участие в публичных выступлениях как артист, не имея лицензии, играть в крикет и домино в комнате или пабе».

«В 16 — можно (наконец-то!) сдавать металлолом, бросить школу, выбрать самому себе врача, работать весь день, ходить в бар, но без права пить, не заказав еды». И... «заниматься продажей своего тела».

«В 17 — можно покупать огнестрельное оружие, делать ставки на бегах, стать уличным продавцом, водить грузовики всех типов, кроме особо тяжелых».

«В 18 — уехать из дому без разрешения родителей, жениться без оного же, судиться, покупать и продавать вещи, быть владельцем дома, платить страховку и пить в баре, уже не покупая еды».

«В 21 — быть кандидатом на парламентских или местных выборах, водить любые грузовики, получить лицензию на продажу спиртного».

87 страниц необычного кемденского путеводителя, все его «можно» и «нельзя» как бы зашифровывают сбывшиеся и грядущие судьбы английского юношества, наставляют его и вводят в общество — шаг за шагом — взрослых и умудренных, которые с высоты своей мудрости не позволяют 16-летнему человеку пить натощак, но не находят ничего предосудительного в выходе на панель.

Для кого они написаны, эти правила жизни? Вряд ли сын лорда станет с нетерпением ждать 16 лет, когда он сможет сдавать металлолом или наниматься на подсобную работу. Дочери процветающего бизнесмена наверняка не придется торговать собой,

чтобы не умереть с голоду. Надо понимать, что правила эти «для прочей публики». Для тех, кого видишь на улицах, когда в потертых джинсах или спецовках ранним утром они торопятся к заводам, шахтам, пекарням, растекаются по оффисам, садятся в грузовики на место водителя или выстраиваются в очереди безработных.

По утрам пыльные билетные автоматы лондонской подземки «стреляют» без остановки: народ спешит на работу. С лязгающим грохотом захлопываются двери огромного лифта. Люди ежатся от утренней промозглости, от недосыпания. Глаз раздражают запылившиеся, но все же яркие рекламы, облепившие стены лифта: как им не холодно — красоткам в бикини и летних сандалиях?

Молодая (в основном) толпа вываливается из лифта в серую дымку вокзала, теснится на грязной платформе. Вагоны упакованы так, что, кажется, ребра стоящих слегка поскрипывают. Мне удается сесть, и я с любопытством рассматриваю людей — так легче скоротать время толчков и тряски.

В обзор попадает то длинная «бабушкина» юбка, метущая пол, то рука с длинными, даже загнутыми слегка ногтями — каждый палец унизан пенсовыми блестящими перстнями, то юношеский профиль: крупный, легкой аркой нос, бесчисленные пружинки кудрей и ухо с поблескивающим колечком маленькой серьги. Вижу девушку в такой мини, что можно пересчитать цветочки на ее трусиках. Темная стерня низко скошенных, почти до основания, волос — «барачная стрижка» перешла к ней явно из последнего фильма «Ночной портье».

Макси, мини, джинсы с яркими нашлепками сзади («Познакомимся? Я — Джек», «Да — Общему рынку!», «Нет — Общему рынку!» «Давай, давай!»). Запах дешевых сигарет, отсыревшей одежды. Я еду в самой гуще молодых лондонцев. Кто они, что они? Откуда берут свои моды, свой стиль жизни, свои убеждения, чего хотят? Понять это, очевидно, значило бы понять не только сегодняшнюю, но и завтрашнюю Англию. На метафорической карте английской жизни красными тревожными огнями регулярно вспыхивают молодежные «бунты». Когда молодые отстаивают право носить нечесаные волосы до плеч или устраивают в школе забастовки из-за того, что им запрещают входить в класс в туфлях на «платформе», их только слегка журят. Когда же грозный поток студенческой демонстрации с плакатами «Возьмите от вооружения — отдайте образованию» или «Студентам нечего есть, перестаньте урезать стипендии» надвигается на парламент, их встречают затянутые в черное «бобби» — полицейской стеной отделяет себя общество от социальных бурь. Во время прошлогоднего поп-фестиваля в Виндзоре полиция, разгоняя молодых, проявила столько зверства, что суд вынужден был заняться проступками многих полицейских. Но не от себя, не по своей воле «бобби» в черных с серебром касках — пешие, конные и на мотоциклах — загоняют молодых в отведенные им законом рамки.

«Любовь заменяет хлеб молодым»

Гремит подземка, развозит по всему городу молодые «руки». Вот пара сидит обнявшись, как бы застыв. Бледные худые лица. На старых, потрепанных свитерах и в волосах какие-то соринки. У ног рюкзаки. Где они ночевали, есть ли у них работа? В сегодняшней Англии не так легко добывается стол и дом. Лихорадочная температура экономики гонит и гонит вверх цифры безработицы. На свитере юноши нашит матерчатый красный значок с надписью: «Любовь заменяет хлеб молодым». Заменяет ли? Какое отчаяние в этих стиснутых руках, какая оцепенелость безнадежности. Так же, как и они, я выхожу на последней остановке. И вижу, как, перейдя на другую платформу, они садятся в вагон поезда, идущего в противоположную сторону. Снова укладывают у ног мешки, обнимаются, как бы грея друг друга, и продолжают свое бесцельное путешествие. В вагоне, по крайней мере, тепло, и с этой скамейки никто не имеет права тебя согнать. И крыша над головой до самой ночи.

Моя знакомая англичанка, толстушка Джойс, часто говорит: «Женщина создана для мужчины. Мужчина — для жизни. Женщине без семьи не прожить. Мужчине — легко». Это как раз то, что девушкам Англии внушают с детства родители, школа, газеты и кино. Джойс одно время работала в фирме по продаже драгоценностей, потом фирма переехала в Париж, и она осталась без работы. «Наконец-то я нашла верный способ похудеть, — шутила она при встречах. — На зарплату Майкла нельзя в наши дни прокормить даже собаку, не то что меня...» Майкл, ее «бойфренд», с которым она снимала комнатку довольно далеко от центра, работал курьером в фирме путешествий и вечерами, забегая в паб, сердито толковал с друзьями «о проклятом времени»: «Все ведь у нас по кастам. Попробуй достать работу в доках или попасть в таксисты... Черта с два. Мусорщиком — и то через большие связи. Люди держатся за прилично оплачиваемую работу руками и ногами, передают ее по наследству детям — и правда, на что лучшее наследство? А у меня вот папаша помер, когда мне было 6 лет... Я без наследства... Я даже жениться не могу, не на что».

Работа, крыша над головой, вдоволь еды в доме, где живет твоя семья. Разве так уж много хотят эти молодые люди? Только самого насущного, самых первых человеческих прав. Но последняя сводка, которую я успела прочесть в газетах, сводка от государственного отдела найма, сообщает, что Британия мало-помалу приближается к такому кризису, когда «ситуацию с безработицей в стране можно будет сравнить только с ситуацией во время войны. Цифра 869 822 безработных, которую раскрывает печать, — неполная. Статистика не учитывает скрытую безработицу, особенно среди женщин. На деле она перевалила за миллионный пик. 200 тысяч рабочих заняты неполный день».

Кто за этими цифрами? Люди из утренних электричек и самых ранних, набитых вагонов метро. За нею, за виляющей статистической кривой, — несбывшиеся надежды Джойс, озлобленность Майкла и разбитая любовь парочки, сделавшей последним своим приютом вагон подземки. Может быть, завтра мы встретим их на очередном поп-фестивале, может быть, на демонстрации, может быть, в полицейском участке...

Конечно же, ничто на свете — ни безработица, ни то обстоятельство, что кусок хлеба становится все меньше весом и все дороже ценой, ни, кажется, сама чума — не остановит вечного движения. Любовь нужна так же, как хлеб, как свет, как тепло.

Какие же они, Ромео и Джульетта 1975 года?

Англичане — солнцепоклонники. Стоит теплому лучу проткнуть серое сукно лондонских небес — и на улицах, даже ранней весной, появляются босоногие, голоплечие английские граждане. На парковых и уличных скамейках сидят или лежат пожилые англичане, а на густой траве в парке валяются, раскинувшись или обнявшись, парочки.

Чудно́ для нашего глаза видеть огромные поля молодой, безукоризненно ровно и низко подстриженной травы, на которой, незащищенные (вот уж подлинно — ни былинкой, ни травинкой), откровенно целуются и ласкают друг друга парочки на глазах гуляющих по аллеям людей. Что-то странное, наивное в этой открытости и безбоязненности, в этом равнодушии к чужому взгляду. Но правда и то, что многим парочкам просто негде приткнуться, кроме как на травке или скамейке парка. Это очень грустно и, быть может, грубо — «высчитывать» любовь. Но еще грустнее от того, что это делает сама жизнь. Не она ли жестоко посмеялась над Билли Алленом и Нэнси Миллс, которые полюбили друг друга совсем юными и, как настоящие Ромео и Джульетта, решили не жить друг без друга. Только они решили победить обстоятельства — нет денег, нет жилья — не смертью, а терпением и верностью. 23 строчки «забавного происшествия» — вот чем была для английских газет свадьба Билли и Нэнси, состоявшаяся спустя 30 лет после обручения. Седой жених, седая невеста, в очках от дальнозоркости, в белой фате. Дождались-таки...

Английский дом-крепость перестал быть для англичанина крепостью, которая защищает. Он стал крепостью, которую нужно добывать с боем. Фантастические цифры стоимости домов, длинный, как Темза, список на казенную квартиру... И как бы в издевку над здравым смыслом и понятием человечности — пустующие дома, которые людям снять не по карману. Вот в эти крепости и врывается молодежь, известная в стране под названием «сквоттеры». Сквоттеры — это не отдельные молодые люди, это явление, которое официально названо «сквоттинг», и оно носит, как заявляет пресса, «в высшей степени организованный, широко национальный и опасный характер». В одном Лондоне живет больше 30 тысяч сквоттеров. У сквоттеров очень часто нет и работы. Их убеждения изложены в их песне: «Не знаешь, куда выбрасывать заработанные деньги? Отдавай домодушителям за жилье!» Есть у них и поговорка: «Только тот больший дурак, чем дурак, платящий за квартиру, кто вносит взносы за собственный дом». «Дома должны принадлежать людям», — говорят сквоттеры. Но против них поднимается махина, в которой цепью прикручены друг к другу семья, частная собственность, государство. Что может сквоттер со своей семьей поделать с этой махиной? Когда его выселяют, куда ему девать детей? В приют? Что он может ответить на упрек отчаявшейся подруги?

Куда ты уходишь — любовь, романтика?

В Англии немало газет и журналов, в которых день за днем читателю внушается, что дело не в кризисах и социальных бедах, а в том, чтобы не растерять «английский характер». Вот Билли и Нэнси выстояли же... Самодисциплины не хватает нынешним — исконной английской черты.

Но вот признания двух английских писательниц — Джейн Деверсон и Катарин Линдсей, которые отправились искать «счастливые семьи» на окраины и в маленькие городки, ближе к природе и патриархальности, поскольку в больших, всепозволяющих городах они их отыскать не смогли. Они навестили крохотные Ривер-

мид и Пулбридж, прошли по улицам, состоящим из «настоящих английских семейных домов», стучались в двери с тем, чтобы задать один-единственный вопрос: «Вы счастливы в своей маленькой крепости?»

Но первый же человек, бизнесмен из Пулбриджа, ответил: «Лично я человек разочарованный. Брак практически обессмыслен. Брак сейчас не столько брак, сколько вопрос, связанный с положением в обществе». Молодая женщина из Ривермида рассказала историю своей умершей любви и своего одиночества: «Несколько лет назад я вынесла решение: ничто больше не может тронуть меня. Мы жили в страшной лачуге, я ждала ребенка, по вечерам муж сбегал от тоски в паб, играл там в дарты (дарт — маленькая стрела, которую бросают рукой в мишень. — *Э. Ч.*). А мне было так страшно и одиноко. Так что я решила стать жесткой, иначе не проживешь».

Время от времени социологи с тревогой поглядывают вниз, на подлесок — подрастающих детей: что зреет там, в юных умах, не ждать ли новых сюрпризов? Взрослые задают детям тревожные вопросы и получают, надо признать, удивительные ответы. Вот, например, что ответили дети на самый главный вопрос: «Хотят ли они быть богатыми?» Элен (7 лет): «Деньги каждому нужны, чтобы иметь крышу над головой, особенно в нашем климате». Мэтью (10 лет): «Я не хотел бы разбогатеть. Мне пришлось бы ходить по улицам воображалой, и у меня не было бы друзей. Я должен был бы говорить другим ребятам: я с вами не играю, вы — грязные. Большинство богатых считает себя умней бедных и думает о бедных гадости». Даже «малые» постигают — и очень рано — свое место в жизни; это отведенная тебе ступенька общественной лестницы.

Замужество (иногда и женитьба) в таком обществе становится нередко шансом покончить с трудностями, выбиться в люди или хотя бы просто защититься. Один валлийский парень, о котором газеты писали чуть ли не с одобрением, объявил, что женится по любви на 76-летней американской миллионерше. Врач одного из домов для престарелых вступил в «романтические» отношения с умирающей пациенткой, чтобы уговорить ее оставить завещание на свое имя.

«Женщина создана для мужчины, мужчина — для жизни»

Маргарет Констэбл названа Золушкой-75. У нее до боли устают глаза и руки, когда ей приходится целыми днями вязать детские пинетки, чтобы заработать на жизнь. И оплата как в страшных сказках про бедных золушек: 7,5 пенса в час (на эти деньги не купишь даже коробка спичек). Но в стране, оказывается, еще 300 тысяч таких же золушек, и многие из них зарабатывают только 2,5 пенса в час. Надомницы, связанные обстоятельствами (часто это уход за больными или старыми родителями), видят в замужестве отклик на «SOS». До любви ли им, золушкам, с руками, обклеенными пластырями, с воспаленными глазами?

Врачи и учителя отмечают, что английские девочки лучше учатся и усваивают все предметы до 14 лет, потом их обгоняют мальчики. Не потому, что становятся умней девочек, а потому, что девочки начинают думать о женихах, а мальчики — о карьере. В большинстве своем, замечено социологами, девушки не рвутся получить какую-то серьезную профессию. Так что-нибудь, лишь бы перебиться до замужества. Пресса Англии не без горечи отмечала, что, допустим, в медицине страны занято только 17 процентов женщин по сравнению с 75 процентами в СССР. Высшая точка фантазии девочек — стать моделершей или актрисой, чтобы «вернее привлечь нужный тип мужчины».

«Куда они делись, эти невинные девочки со свежими щечками и широко открытыми глазами, которые верили сказкам о детях в капусте и укладывались спать в девять вечера, девочки, которые тайком брали у матери губную помаду, чтобы слегка тронуть ею губы после школы и стереть ее перед входом в дом?» — растерянно спрашивает известная английская журналистка Марджори Прупс, которая возглавила группу писательниц, решивших побывать в школах, юношеских клубах, дискотеках и пабах, чтобы понаблюдать, поговорить, постараться понять, что представляет собой сегодняшняя молодежь. Позже они признались, что «пережили шок».

Оказалось, что число беременностей среди одиноких женщин (цифры 1972 года) выросло почти до 200 тысяч, причем 45 процентов приходится на подростков. 4500 девочкам, «попавшим в беду», было меньше 16 лет. Беременность «малолетних» — проблема непростая, но, безусловно, она один из ответов на вопрос — так сказать, издержки «опыта» — как найти и удержать мужчину, может быть, будущего мужа. Чем раньше, тем лучше. Известен случай с молоденькой англичанкой Мэри, которая вышла замуж, скрыв от своего жениха, что... неграмотна. Неграмотна настолько, что не в состоянии прочесть, что написано на пакете с едой, который она покупает в магазине. Годами Мэри покупала только консервированную и замороженную еду, на которой были объяснительные картинки. Когда муж все-таки выявил тайну, он долго не мог поверить, что, проучившись столько времени в школе, она так и не научилась читать и писать. Но Мэри была занята другим...

Национальный фонд по исследованию проблем образования обнаружил недавно, что из каждых восьми человек, покидающих школу, один уходит, не умея ни читать, ни писать, и в основном это девушки.

Конечно, дешевле обходится приучить людей жить в мире со сдвинутыми набекрень извечными человеческими представлениями о жизненных ценностях: верности, любви, чести, благородстве, бескорыстии.

История американки Элен Питерсон — «жены, снятой внаем», была написана для английских читателей английской журналисткой, живущей в Лос-Анджелесе. Суть не в том, что Элен, молодая американка, которой надоело слоняться по Мексике и Америке в старой машине с тремя детьми, откликнулась на объявление «стать женой внаем». Она победила на собеседовании 99 других претенденток и заключила контракт «любить, заботиться и делить постель» с Эдмундом ван Эйзеном в обмен на 500 долларов ежемесячного содержания и отпуск.

Не «девицу на час», не домоуправительницу, а жену, семейную жизнь купил себе на неопределенный срок бизнесмен ван Эйзен. Элен объясняла всем интересующимся, что она не жена в принятом смысле слова, а «свободный агент», что, конечно, они не влюблены и, если захотят расстаться, то предупредят друг друга за 30 дней до ухода.

От спокойствия, с которым написана и подана английскому читателю эта история, подирает мороз по коже. «Какая прекрасная идея», — говорят люди, узнав историю Элен Питерсон», — комментирует английская журналистка.

Что ж, новый поворот в отношении к жизни в Штатах не такая уж новость для самой Англии. Купите журнал «Тайм Аут», и вы найдете немало предложений стать «партнером или партнершей на время долгих путешествий», запросов и предложений разделить квартиру, вместе обедать или «прожить определенное, может быть, продолжительное время» («Пришлите фото, перед тем как звонить»).

Тем, кто не хочет этих рецептов, кто не признает подобных выходов и сделок, навязываемых жизнью, приходится из часа в час бороться с нуждой.

Многие люди живут мечтой разбогатеть — внезапно, помимо того пути, который уготовила им жизнь. Это породило целую коллекцию чудаков. Одни тратят все деньги на лотерею. Другие ставят на бегах, отрывая от «молочишка для детишек». Английский механик Тони Хэммонд сделал своей профессией поиски кладов. Он бросил несколько лет назад службу в одной из фирм и стал охотником за «сундуком с золотом». Но чаще он собирает в свои банки ломаные гвозди, ключи от машин и рассыпанные подростками пенни возле развлекательных центров побережья. Он живет зыбкой, ненадежной жизнью, но со страстью алхимика пытается сделать из песка побережий золото, богатство, независимость, свободу. Тони зарос, и вид у него одичалый, его коллекция больше напоминает корзину старьевщика, но он все роет и роет...

Как в киноленте, кадрами проходят передо мной встреченные люди, прочитанные истории.

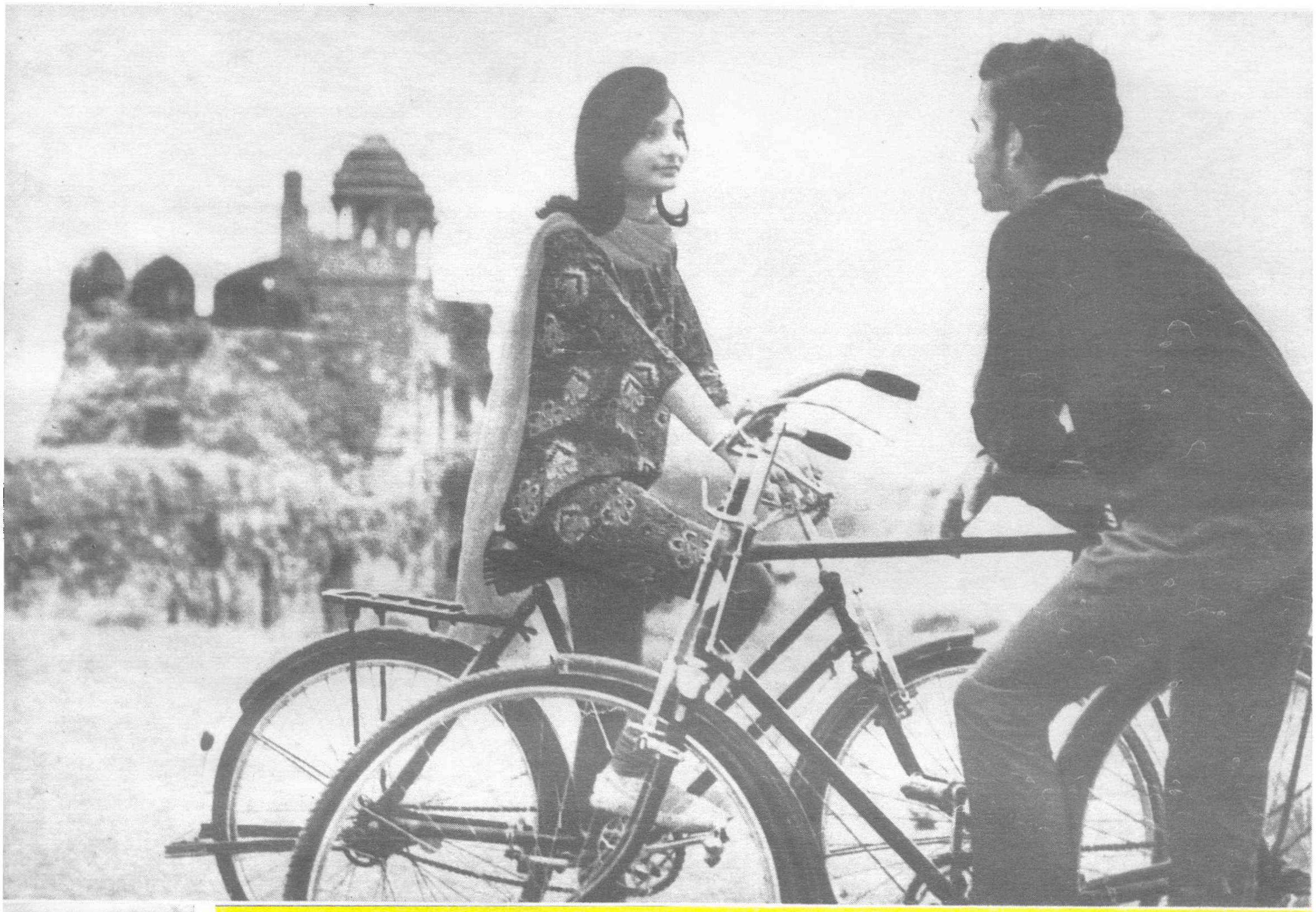
Года два назад английским телезрителям показали семью: жену и мужа, живущих под одной крышей, но отдалившихся друг от друга и даже не разговаривающих друг с другом более десятка лет. Марджори Прупс приводит ответы девочек-подростков о том, как они проводят время в пабах, возвращаются за полночь домой, курят и пьют спиртное. Старшеклассница Никола Фишер из Лондона взяла отпуск из школы для того, чтобы провести медовый месяц с мужем... 13-летняя девочка Кэти из города Хантса осуждает «белую свадьбу». «Белая свадьба»? Белое — это признак чистоты. Чаще всего — это просто лицемерие. Свадьба вообще — лишняя трата денег и времени».

Куда, в самом деле, деваются они, большеглазые доверчивые Джульетты, почему сегодняшняя Алиса потеряла свою страну чудес — мир чувств и мыслей, присущих только юности?

Никто не упоминает о том, что детей нынче трудно прокормить, что им нужен кров, что семья, обычная английская семья, оказывается перед трудностями сегодняшнего дня незащищенной: ей говорят четверть правды, которая оказывается хуже лжи. Ей предлагают эрзац взамен подлинной морали. Во всех случаях политической и общественной жизни лидеры умеют спрятать то, что неудобно показывать, и выгодно продать то, что имеет «товарный вид».

Лейбористов сменили консерваторы и, ничего не изменив к лучшему, опять уступили кормило лейбористам. Но и сегодня, когда английская Джульетта, Алиса, Джойс собираются на свиданье, матери кричат им вслед: «Ты с ним поосторожней. У него нет даже постоянной работы».

г. Лондон

„ДЕЛО" АЛАМА

Александр ШАЛЬНЕВ

В череде событий, свидетелем которых я стал за четыре года моей корреспондентской работы в Индии, эта история занимает особое место. Главных ее участников я знал; и сейчас, приступая к повествованию, легко вызываю в памяти их лица — как будто все случилось вчера.

Наши герои познакомились в университете, где в их личных формулярах, хранившихся в сейфе канцелярии, среди прочего значилось: «Джавед Алам — ...мусульманин», «Джайянти Гуха — ...индуска».

Сам Джавед никогда не считал себя мусульманином, хотя родился и вырос в самом центре индийского ислама — в Хайдарабаде. Джавед смутно помнил, что тяжелый, тисненный золотом коран поспешно извлекали из массивного сундука только тогда, когда неожиданно раздавались удары в дверь и на пороге появлялся один из агентов-разакаров престарелого низама Мир Осман Али Хана, правителя Хайдарабадского. Это было еще в колониальное время, когда отец Джаведа, коммунист, вел подпольную работу. Повзрослев, Джавед стал понимать тот мир, которым жили его родители, мир, отметавший смирение и покорность богу.

А потом учеба в Делийском университете, который Джавед окончил, получив лестные отзывы преподавателей и массу поощрений. И наконец, встреча в аудитории с Джайянти, девушкой в оливковом сари, которая, конечно же, показалась ему самой прекрасной на свете.

Джайянти выросла в традиционной индуистской семье; с детства готовили ее к замужеству, советовали, как выпросить у бога образцового и «царственного» супруга. Девушка свыклась с мыслью о том, что скоро, очень скоро гирлянда живых цветов ляжет ей на плечи и седобородый священник-ачарья соединит ее тонкую руку с рукой жениха. Не было даже и тени сомнений, что он будет индус.

Но она полюбила Джаведа Алама. Как говорится, нужны ли здесь слова? Однако же они нужны. Хотя бы для того, чтобы подчеркнуть — Джайянти было непросто полюбить «чужого». Религиозное воспитание во многом формирует симпатии и антипатии человека, так что девушке-студентке нужна была немалая решимость даже для чувства... Их друзья говорили мне потом, что, живи она дома, под присмотром семьи, этой истории могло бы и не быть.

Итак, Джавед и Джайянти поженились. В традиционном рассказе о любви эти слова означают «хэппи-энд». Такой конец был бы счастливым и для наших героев, если бы за словами — «они поженились» — не стояла бы долгая и мучительная история смешанных мусульмано-индуистских браков.

Нет, такие браки не редкость в сегодняшней Индии. Но непримиримость в отношениях между этими двумя общинными группировками, крупнейшими в стране, непримиримость, которую на протяжении столетий умело поддерживали англичане, следуя излюбленному принципу колониальной дипломатии «разделяй и властвуй», не исчезла бесследно и после того, как 15 августа 1947 года над величественной крепостью «Лал кила» в Дели взвился трехцветный флаг независимости.

Перед уходом колониальными властями была осуществлена тщательно подготовленная акция — раздел многонациональной Индии по религиозному принципу. Мусульман и индусов бросили тогда друг на друга. Кровавая граница рассекла два государства — ис-

ламский Пакистан и Индию. Внутри Индии непримиримость тоже не исчезла. Проповедь межобщинной розни в стране была объявлена вне закона, но ненависть тлела не потухшими еще угольками. Ее было кому раздувать, эту ненависть...

Вот находят мусульмане у себя в мечети свиное ухо — предмет, о котором они даже говорить не могут без содрогания: коран на этот счет категоричен. Может, вовсе и не индусы подбросили это ухо в мечеть. Наверняка даже не они, а те, кто назавтра подкинет в индуистский храм отрезанную голову священной белой коровы. Но есть ли время разбираться, кто виновник? Вот он, перед тобой — мусульманин, он не один, с ним еще десяток-другой, и не с пустыми руками — с цепями, палками, ножами. Так бей их! Нас ведь тоже немало! Они наше божество оскорбили! Вот тот камень получше будет! Кидай! А что это вдруг соль во рту? Эй, брат, что с тобой, очнись, открой глаза, ты видишь меня? Люди, лю-ю-ю-ди-и-и-и! Помогите, они убили его!..

«10 человек убито, свыше ста ранено, разгромлены дома. От мечети и индуистского храма не осталось камня на камне» — эти строки газеты вынесут на первые полосы крупными заголовками. И вновь дебаты в парламенте, экстренно вызванные войска, комендантский час, застывшие предприятия. И мало кто уже вспомнит, что кем-то было подброшено в мечеть свиное ухо, а в индуистский храм — голова коровы. Мало кто вспомнит... Хотя есть в Индии партии, которые на религиозно-общинной вражде стараются наживать политический капитал. И виновников следует искать там.

Джавед Алам едва успел отскочить в сторону. Из машины, на заднем борту которой он заметил неровную надпись «Джана сангх», полетели листовки. Он подобрал одну: «Есть ли предел бесстыдству мусульман?! Все на митинг! Пусть граждане Дели осудят Алама, похитившего девушку-индуску!»

Так и не осознав еще до конца смысл написанного, Джавед пришел в колледж, где вот уже несколько месяцев вел занятия студентов факультета политических наук. Но вместо лекции его вызвали к Датту Салвану, директору и владельцу колледжа.

— Присаживайтесь, Алам, у нас будет долгий разговор, — мистер Салван аккуратно отхлебнул кофе. — Создается впечатление, что к своей нынешней работе вы совершенно не подготовлены. Мне надоело выслушивать бесконечные жалобы и со стороны студентов, и со стороны ваших коллег — преподавателей. Но мало того, — Салван со стуком поставил чашку. — Вы еще превращаете мой колледж в балаган! Ваша женитьба — совершенно безответственный, позорящий не только вас поступок. Взгляните, — Салван поднял ворох бумаг со стола, — «Позор Аламу, похитившему девушку-индуску». Неужели трудно представить, какой ущерб наносит ваша женитьба моему колледжу, моей работе, наконец!

В общем, вот что, — Салван поморщился, — если в ближайшее же время вы не представите письмо родителей Джайянти с согласием на брак дочери, то можете искать себе другую работу.

Мистер Салван хотел не просто отделаться от молодого интеллигента, нарушившего неписаные законы. Женитьба «отступника» должна была стать предлогом для развязывания рук погромщиков из РСС («Раштрия сваямсевак сангх») — «Союза добровольных служителей родины».

Эти «сваямсеваки» не зря осваивали приемы рукопашного боя, учились орудовать велосипедными цепями и кривыми кинжалами кхукри. О том, на что, точнее, против кого направлена эта подготовка, свидетельствуют многочисленные факты, и самый мерзкий из них — убийство в январе 1948 года великого сына Индии Махатмы Ганди, лидера национально-освободительного движения. Это преступление совершено было фанатичным «сваямсеваком».

На счету молодчиков из РСС, штурмовиков партии «Джана сангх», не одно злодеяние, на их руках кровь тысяч безвинных людей, обманутых пропагандой религиозно-общинной вражды.

Мистер Салван не размахивал бамбуковыми дубинками, не крошил остервенело соломенные тюки, изображавшие врагов индуизма, но он был членом РСС. Я спросил Джаведа: «Салван посещал собрания «добровольного союза»?» Тот ответил: «А разве имеет это значение? Член РСС, даже порвав все видимые связи с организацией, по-прежнему соединен с нею моралью ненависти».

...И вот сейчас: «Все на митинг! Пусть граждане Дели осудят Алама. Позор Аламу, обесчестившему индуску». Этот девиз партия фанатиков «Джана сангх» пыталась превратить в звонкую монету голосов избирателей на приближавшихся тогда муниципальных выборах. «Дело» Алама стоило многих свиных ушей и коровьих голов.

Ну а сами они — Джавед и Джайянти, что чувствовали они? В общем они были готовы к косым взглядам, к тому, что некоторые знакомые постараются с ними «раззнакомиться». Но такая травля обрушилась, как налетевший циклон, и в центре его оказалась молодая чета, семья, по сути едва начавшая жить.

Митинг был назначен на три часа. Мы опоздали, приехали получасом позже. С удивлением увидели, что площадь была пустынна, лишь ветер шевелил обрывки листовок на заборе и поднимал пыль, заставляя сидевших в «джипе» парней плотнее закрывать окна. На машине — уже примелькавшаяся неровная надпись «Джана сангх» и мегафон, из которого доносились прерывистые звуки кашля и шепот торопливого разговора.

Вскоре «джип» тронулся с места, совершил несколько кругов по площади и исчез.

Площадь стала оживать. Мальчишка лет четырнадцати, первым прибежавший сюда, обрезал веревки — и в грязь полетело огромное шафрановое полотнище, на котором мы успели заметить лишь «Пусть гражда...»

«Дело» Алама рухнуло. Не само по себе, разумеется; на сторону Джаведа и Джайянти встало множество людей — активисты прогрессивных организаций, члены парламента, наконец, просто честные индийцы, понимавшие всю тяжесть могущих возникнуть последствий. Огонек любви двух людей не мог, не должен был потухнуть.

О Джаведе и Джайянти много писали в газетах. В некотором смысле они ненадолго сделались знаменитостями. Наверное, поэтому директор колледжа мистер Салван попал в трудное положение. Ежедневно клерк вываливал перед ним огромную груду конвертов. Но директор их уже не вскрывал: ему не хотелось лишний раз читать нелестный отзыв о своей персоне.

Но одно письмо Салвану все же пришлось прочитать. Явно озабоченный секретарь положил на стол плотный лист. Там было всего несколько строк: «Исполнительный совет Делийского университета принял решение восстановить Джаведа Алама в должности преподавателя. Одновременно совет поставил вопрос о прекращении выплаты университетом финансовых дотаций колледжу Салвана».

Через час курьер от Салвана уже мчался к Джаведу: «Вы можете приступить к работе с завтрашнего дня».

Итак, «хэппи-энд»? Но слушайте дальше. Я встретил Джаведа года через два после описанных событий. Встретил случайно, на окраине Дели, у подножия знаменитого Кутуб-минара, средневекового минарета, по причудливому стечению обстоятельств сооруженного среди развалин индуистского храма тысячелетней давности. Алам стоял спиной к высоченному железному столбу, отлитому задолго до нашей эры, но и сейчас без единого пятнышка ржавчины. Он старался обхватить его руками. Есть поверье, что если удастся сомкнуть руки вокруг этого столба, то человек будет счастлив. «Джавед, ты что? Или уже счастье потерял?» — спросил я его, вовсе не думая о том, что минувшие два года много могли изменить в его судьбе. Он не ответил, лишь молча кивнул. Молчание его удивило. Он не был похож на прежнего Джаведа, каким я знал его в разгар знаменитого «дела».

Он изменился. Стал замкнутым, исчез прежний пыл. «В чем дело, Джавед?» Он рассказал. Немногословно, не вдаваясь в подробности. Рассказал так, как будто это не касалось вовсе его самого.

Они разошлись с Джайянти. Та уехала к отцу в Калькутту. Он по-прежнему преподает политические науки, думает, правда, уходить из колледжа. «Почему уехала? — переспрашивает он. Пожимает плечами. — Она ж все-таки женщина. Ей трудно было».

Вдвоем выдержали они издевательства, листовки, брань, унижения. В той борьбе они были одно целое и выиграли ее. Выиграли, потому что были вместе, потому что были с ними друзья, единомышленники. Но слишком много было отдано тому поединку. Нервы, натянутые до предела, не выдержали, когда, казалось бы, самое страшное было пройдено.

Поразительная способность у человека: выдержит тяжелейшие испытания, добьется своего, но может оступиться на уже ровной дороге. Так произошло с Джаведом и Джайянти...

В эпилоге этой короткой истории скажу следующее.

Салван по-прежнему владелец колледжа, но финансовые его проблемы настолько велики, что, как поговаривают, ему вскорости придется распроститься с учебным заведением.

«Джана сангх» на тех муниципальных выборах утратила прежнее свое влияние, но она все еще оставалась одной из сильнейших оппозиционных группировок в стране. Только тактика изменилась: ее лидеры не пытаются больше прибегать к столь откровенным фальсификациям, как «дело» Алама. Когда индийское правительство занялось рассмотрением вопроса о судьбе урду, языка мусульман Индии, первыми и единственными оппонентами популяризации этого языка выступили деятели из «Джана сангх», конечно же, опираясь на помощь своих военизированных отрядов — РСС. Именно в этот период газеты страны заполнились сообщениями о «внезапно» вспыхнувших волнениях в городе Алигархе, о бунте, студентов индуистского университета в Бенаресе.

И вот события последних нескольких месяцев: большинство лидеров «Джана сангх» арестовано в рамках действия чрезвычайного положения, введенного правительством, — арестовано по обвинению в том, что своими действиями они создавали прямую угрозу внутренней безопасности страны, единству народа. А «Раштрия сваямсевак сангх» — «Добровольный союз служителей родины» — запрещен, как экстремистская, религиозно-шовинистическая организация.

Таков эпилог, в котором угаснувшая любовь Джаведа и Джайянти звучит лишь одной минорной нотой. Но не услышать ее нельзя.

НЕЖНЫЕ ЧУВСТВА В ТВЕРДОЙ УПАКОВКЕ

Олег ФЕОФАНОВ

Журналистская судьба дала мне возможность побывать в разных странах. В Канаде, в Торонто, по дневной, суетной улице шли, тесно обнявшись, парень и девушка, шли, будто они единственные на свете, шли не то расталкивая прохожих, не то натыкаясь на них. Я видел, как, не обращая ни на кого внимания, целовались молодые на зеленых полянах Гайд-парка в Лондоне. До сих пор помню застывшие фигуры влюбленных на набережной Сены — их черные силуэты, врезанные, кажется, навсегда в сиреневый фон парижских сумерек...

О любви хочется говорить высокими словами. Лучшие поэты слагают свои лучшие стихи в ее честь.

Но влюбленные, о которых мы повели рассказ, живут не только на седьмом небе своей мечты. Они живут в бурлящем, как вулкан, и беспощадном, как его извержение, обществе, провозгласившем своей главной, почти святой целью — обогащение. Ради этой цели бизнес сметает любые преграды, перемалывает и выбрасывает все, из чего не сделаешь деньги. Бизнесу не до тонких чувств. Сила — любая сила — вот что признается безоговорочно.

Западногерманский врач и социолог Иоахим Бодамер пишет в своей книге «Современный мужчина»: «Мужские доблести — такие, как чувство чести, рыцарство, благородство, великодушие, и, главное, доброта — отныне необязательны ни для среднего человека, ни для представителя так называемой элиты. И там и тут основными достоинствами выступает «эффективность». Сказать о ком-нибудь, что он хороший человек, — все равно, что намекнуть, будто он слабый человек, пусть даже глубоко порядочный, но далеко отсталый. Фигура эффективного делателя (то есть бизнесмена. — *О. Ф.*), ни с чем и ни с кем не желающего считаться, стала как бы всеобщим идеалом и наиболее часто встречается в литературе, кино и в рассуждениях об основных чертах современности».

А как же любовь?

Известный христианский постулат «возлюби ближнего своего» слышится лишь в церквах, а не в банках, конторах. Ведь не на бирже проповедовать любовь! И тем не менее нежное чувство заарканено бизнесом и впряжено вертеть бесконечную карусель коммерции.

Уже давно было подмечено, что любовь можно использовать как приманку «деловой активности». Для этого надо только лишить любовь духовности, сорвать одежды с ее стыдливого тела. От богатства любви останется один «сексаппил» — обращение к сексуальным инстинктам человека. Но именно он и стал бетонной опорой коммерции.

Реклама — голос бизнеса. И вот.

Разве можно не заметить на глянцевых страницах томную красавицу, усыпанную бриллиантами и облаченную в меха, в окружении взвода поклонников, афиширующую товары американской косметической фирмы «Ревлон»?

Еще одна красавица. Зимой и летом она возлежит среди фотоаппаратов и фотообъективов японской фирмы «Миранда».

Элегантная дива с декольте до пояса облокотилась на последнюю модель автомобиля «меркури».

Мужчина целует в плечо удивительно длинношеюю даму, замершую от счастья. Это фирма «Ф. энд Ф.» рекламирует свой препарат, устраняющий запах изо рта.

....Бедная, бедная любовь! Трепетная лань, она впряжена в тяжелую, громыхающую телегу коммерции.

Извечен вопрос: как добиться счастливой любви? Над ним за

думывались и задумываются все смертные в тот или иной период своей жизни, над ним мучились поэты и философы. Но, пожалуй, единственные, кто дал самоуверенно-решительный ответ на этот вопрос, оказались специалисты по рекламе. Вы хотите быть счастливой в любви? Купите ему... Вы тоже хотите быть счастливым в любви? Купите ей... Ну, скажем, бриллианты ювелирной фирмы «Де Бирс» или «Картье». А можно и не бриллианты. Можно моющее средство «Мистер Клин». Посмотрите, как смотрит жена на своего мужа, который принес ей в подарок это самое моющее средство, посмотрите, как страстно она прижимает это средство к своему сердцу.

Миллиарды любовных сцен с поцелуями и объятиями, запечатленные на зазывных плакатах, служат сбыту самых различных товаров — от роскошных особняков до слабительного средства «лейтекс».

Если верить рекламе, любой из этих товаров обеспечит купившему беспроигрышную популярность у лиц противоположного пола. Вот телевизионная реклама бриолина «Брилкрим». У парня нечесаные, торчащие во все стороны волосы. Девушки убегают от него, он несчастен. Но вот, о чудо! Капля «Брилкрима» укрощает непокорные кудри, они сами складываются в парикмахерски прилизанную прическу, и что это? Девушки со всех сторон кидаются к нему. Вот видите, как все просто...

Этот незамысловатый, банальный рецепт повторен в миллионах сюжетов. Меняются товары, но схема остается той же.

Да она и не может быть иной. Люди живут среди людей, и нет человека, которому было бы безразлично внимание окружающих, их интерес. «Чужие взоры нас растят» — так формулировал это французский поэт Поль Валери. Любовь — высшая форма этого внимания, и реклама самоуверенно обещает ее по любой цене — и дорогой, и сходной. Вот отпечаток поцелуя на щеке окаменевшего от счастья влюбленного, повергнутого навечно к ногам любимой неотразимой яркостью губной помады «Ультра Брайт». «Ваше прошлое начинается с того момента, когда вы попробуете эти волнующие духи из Франции», — намекает многозначительно фирма «Креп де Шин». Но ее конкуренты — производители духов «Один» — идут дальше; их обещания более конкретны: «Сохраните эти духи для настоящих мужчин в вашей жизни, для мужчин, которые хотят вас всю для себя... Вам не нужны духи «Один», если вы не хотите этого!» «Женщина, — писал в свое время американский социолог и публицист Вэнс Пэккард, — покупает не товар, а обещание. Производители косметики продают не ланолин, они продают надежду».

Кто же она, эта главная героиня рекламы, бойко торгующая надеждой? Да разве одной надеждой? Она также торгует самоуважением, успехом, престижем. Эта героиня — так называемая «идеальная американская девушка», чьи земные прелести так искусно используются в афишах. Предоставим слово американскому социологу Райту Миллсу, вот что он пишет об этой героине коммерции в своей книге "Правящая элита": «Идеальная американская девушка», как увековеченный фотокамерой образ и как живое лицо, сплошь и рядом выступает ценным и незаменимым помощником «великого американского коммивояжера»... Куда бы вы ни посмотрели, вы увидите это выхоленное создание, иногда совсем юное, иногда немного постарше, но повсюду изображаемое как Девушка с большой буквы. Она продает на рекламных щитах пиво, книги, сигары и одежду; каждый вечер вы видите ее на экране телевизора и каждую неделю — на новой обложке журнала, и ее же вы увидите в кино».

Любовные афиши широко используются и для рекламы товаров, казалось бы, бесконечно далеких от чувств. Секс здесь выступает как универсальный «ай-стоппер», то есть тот элемент рекламы, который должен приковать внимание потенциального покупателя, остановить его взгляд. Второго взгляда может и не быть, поэтому внимание надо привлечь любой ценой.

Так появляются обнаженные и полуобнаженные статистки у автоматических электронных калькуляторов фирмы «Олимпия» или около автомобильных покрышек фирмы «Гудрич». Эта фирма даже создала «свою» героиню, некую обольстительную Кейт, чье изображение сопровождает образцы довольно грубого товара. Фантастическими тиражами печатаются фирменные настенные календари «Гудрича», на которых эта самая Кейт позирует (с новыми аксессуарами) для каждого месяца.

Вообще производители автомобильных покрышек, похоже, преисполнены особой любви к населению. Перелистывая американские журналы, я увидел фото, на котором была изображена розовая красавица, возлежащая на постели. Подобный сюжет столь популярен, что от него можно было ожидать что угодно, разве что не рекламу бульдозеров. Но тут я заметил (а не заметить было просто невозможно), что красавица возлежит на покрышке фирмы «Армстронг Тайерс», положив ее вместо подушки. Наши, мол, шины мягче подушек. И надпись: «Покрышки для влюбленных». Почему именно для влюбленных?! Подтекст, видимо, таков: они умчат обладателя в голубую даль, в мечту, в счастье...

Воистину реклама изобретательна. И неудивительно: у нее в штате психологи, демографы, социологи. Они утверждают, что первое и непременное условие успеха товара — это известность. Фирма, ее название должны быть известны. Есть такая американская компания «Теннеско». Она производит различные химические компоненты для синтетических тканей. Как сообщить миру, что именно фирма «Теннеско» осчастливливает человечество своей продукцией? Идея напрашивалась — и по американским, французским, итальянским журналам пошла фотография, на которой изображена, как всегда, супердлинноногая девица в купальном костюме «бикини», густо увешанном ярлычками «Теннеско». Это заметят все.

К вожделению прибегают как к палочке-выручалочке. К примеру, когда те или иные грампластинки плохо продаются, их перекладывают в пакеты с «сексаппилом». Мне однажды в Канаде попалась пластинка с целомудреннейшей музыкой Моцарта, вложенная в пакет, на котором был изображен оркестр... из обнаженных девушек.

Несмотря на кажущуюся примитивность рекламных посланий, за каждым из них скрывается психологический расчет, выверенный с почти математической точностью. Для товаров, предназначенных для мужчин, изображают женщин. Причем композиция строится таким образом, чтобы потенциальный покупатель, пусть даже неосознанно, захотел бы «вписаться» в рекламный сюжет, мысленно оказаться рядом и наедине с обольстительной героиней рекламы. Чтобы облегчить ему это мысленное путешествие, профессионалы рекламы тщательно убирают с его пути все препятствия, и прежде всего возможных партнеров-конкурентов. Поэтому на подобных картинах женщина всегда выглядит одинокой, скучающей, она как бы кого-то поджидает. Рекламная дива должна мысленно принадлежать каждому, всем, и в то же время никому.

Когда же реклама апеллирует к женщине, то перед зрительницами не обязательно мужчина, чаще всего — все та же обольстительная женщина. Однако механизм воздействия здесь совсем другой. Афиша призывает женщину-покупательницу к мысленному уподоблению рекламной красавице. Иными словами: купите такую же губную помаду, пейте такое же вино, и вы будете на равной ноге с этой неотразимой дамой.

Для сбыта товаров, предназначенных прежде всего для молодоженов — кухонных гарнитуров, обоев, детских вещей и т. д., — изображают обычно влюбленные пары. Все больше и больше женщин появляется на рекламе сигарет — на Западе сокращается число курящих мужчин, зато возрастает число курящих женщин.

Наконец, для давно женатых супругов есть своя тема — вы останетесь любимым, если примете меры предосторожности, например, застрахуете свою жизнь, мало ли что. Вот цветная страница из западногерманского журнала «Штерн»: «Их любовь не ржавеет, потому что она не из железа, а из золота». Это реклама банка, звучащая как фанфарный апофеоз скопидомства. Здесь уже любовь не только лишена духовности, но даже телесности — все сведено к бюргерскому расчету.

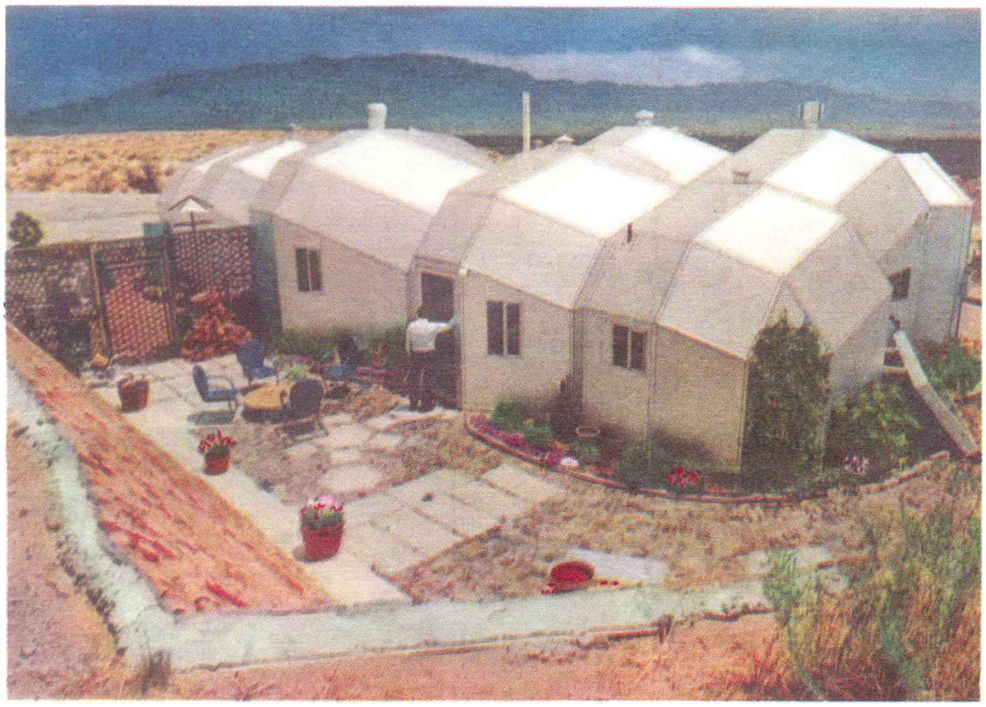
Рекламный шквал бушует на всех перекрестках капиталистических городов, он врывается в дома через почтовые ящики и телевизоры, он сопровождает людей в автомобилях выкриками из радиоприемников. Реклама взяла на себя роль наставника в жизни. Ее советы похожи на приказы. Она внушает моду, определяет, что полезно и что вредно, она, как говорят социологи, устанавливает «жизненные приоритеты» и, как говорят социопсихологи, «систему ценностей».

«Слова любви мы заимствуем из карманных изданий, а объятия — из фильмов. Если ваша внешность не соответствует заданным стандартам, вам будет трудно обратить на себя внимание», — говорит французский писатель Жан Ко. Утверждая буржуазный образ жизни, реклама навязывает массам потребительскую идеологию, попирающую духовность и превозносящую потребление как высший критерий самоутверждения человека. Американский философ Олвин Тоффлер пишет в своей нашумевшей книге «Шок от будущего»: «Люди, равно как и вещи, проходят через нашу жизнь, не задерживаясь, во все убыстряющемся темпе... Сознательно или нет, мы распространяем принцип «использовал — выбрось» на человека». Реклама безапелляционно определяет, *кого* надо любить и *как* любить.

Бурный рост коммерческого бесстыдства теснейшим образом связан с общей деградацией нравов «общества потребления», со сдвигом в массовом сознании, когда секс отделили от любви и превратили его в часть досуга. И чем заметнее эта деградация, тем наглее становятся зазывы паблисити.

«В этом мире, ставшем пустыней, мы жаждем товарищей. Жаждем любви», — восклицал Сент-Экзюпери сорок лет назад. Возможно, из кабины своего фанерного самолета ему было видно дальше, чем многим. Пройди он сейчас по улицам, он бы увидел, что предложений «любви» — по горло. Вот спроса на такую любовь все меньше и меньше. Люди хотели бы перестать использовать друг друга, тут же выбрасывая за ненадобностью.

И я подумал: как прекрасно, что мир людей состоит не только из клиентов фирм. Силуэты влюбленных на берегах всех рек мира — вернейшее тому доказательство.

ДОМ, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ ДЖЕК

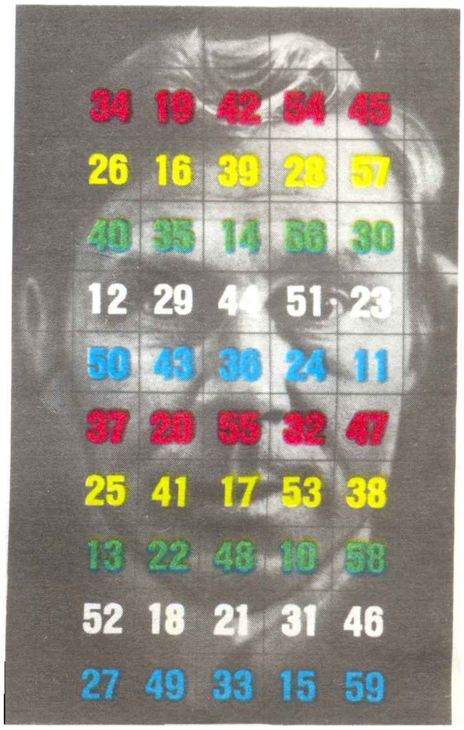
Для обогрева этого жилища не надо ни газа, ни дров, ни электроэнергии — благодаты! Пока что это скорее мода, так как «солнечные жилища» создают себе — для забавы — состоятельные люди на Западе, которым не грозит разорение даже при нынешних высоких ценах на топливо. Но мода рождена временем. Архитекторы утверждают, что за их экспериментальными домами будущее. Американец Джэк Баэр, две зимы прожив в своем доме, изображенном на снимке, клянется, что растапливал камин всего дважды. Обращенные к югу стены дома сложены из бочек из-под бензина, залитых обыкновенной водой, и оборудованы светопоглощающими щитами, откидываемыми в дневное время. Просто, как дважды два. Между прочим, идею обогрева солнцем подал грек Ксенофон, живший две с половиной тысячи лет назад. «Надо, — поучал он, — делать южные стены домов более высокими, чтобы улавливать зимнее солнце».

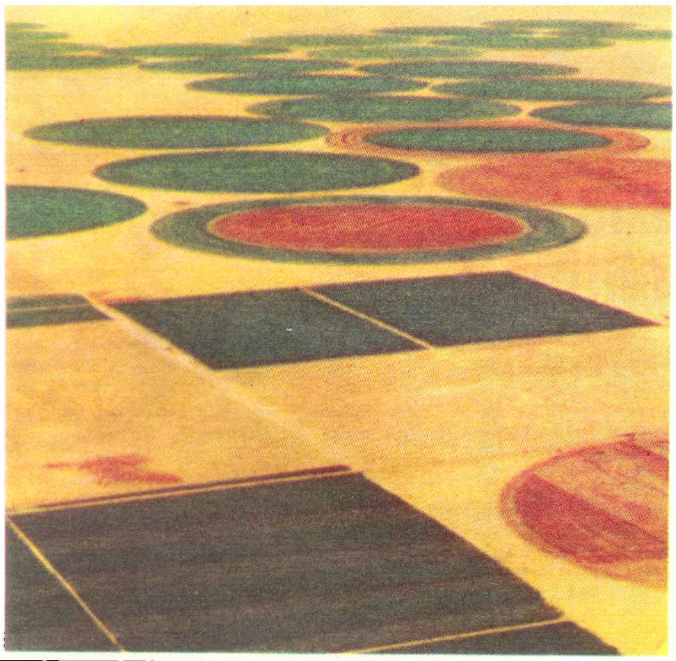
СКИДКА ДЛЯ НЕКУРЯЩИХ. Страховая компания в Лос-Анджелесе недавно приняла решение взимать с некурящих водителей значительно меньшую сумму, чем с тех, кто дружит с табаком. Компанию толкнула на этот шаг отнюдь не альтруистическая забота о здоровье автомобилистов. Проведенные в США статистические исследования показали, что в среднем водитель-курильщик вызывает в два с половиной раза больше дорожно-транспортных происшествий, чем некурящий.

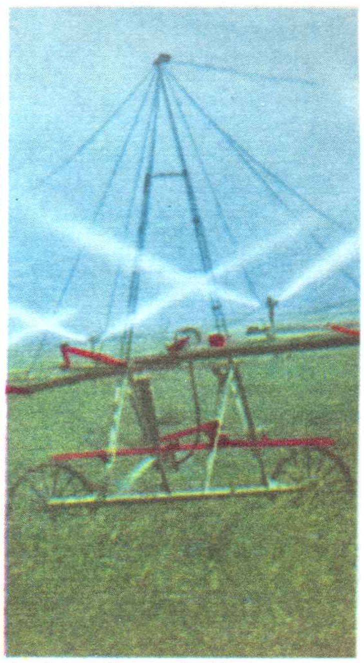
НОВОСТИ ФАРМАКОПЕИ. Администрация одной английской фармацевтической фирмы, отчаявшись снизить количество опозданий на работу «из-за того, что будильник что-то не зазвонил», изыскала способ справиться со своими сонями: всем регулярно опаздывающим были вручены за счет фирмы красиво оформленные флаконы с новым лекарством (как оказалось, это были обыкновенные витамины). Надпись на флаконе гласила: «Принимать по две таблетки — одну перед сном, вторую в 8 утра».

НА ЦЕПКИЙ ШОФЕРСКИЙ ГЛАЗ

Эту таблицу ее создатель, психолог Джозеф Блок из Нью-Йорка, сравнивает с термометром. И хотя измеряет она не температуру, а внимательность человека, задача у нее та же, что у градусника: дать сигнал об опасности. С помощью простого теста можно определить, получится ли из испытуемого водитель автомобиля. Задача: отыскать по порядку все числа от 10 до 59, а контролирующий засекает время. Оптимальный результат: если на поиск очередного числа уходит в среднем 10—20 секунд. Затратившие в два-три раза больше времени тоже будут реагировать на дорожные ситуации со сносной проворностью. Более медлительным, по Блоку, за руль лучше бы не садиться. Как, впрочем, и чересчур прытким, которые в этом тесте показывают результат в среднем менее 5 секунд. Такие люди, считает Блок, склонны, преувеличивая свою реакцию, вести машину рискованно — прямехонько к аварии.

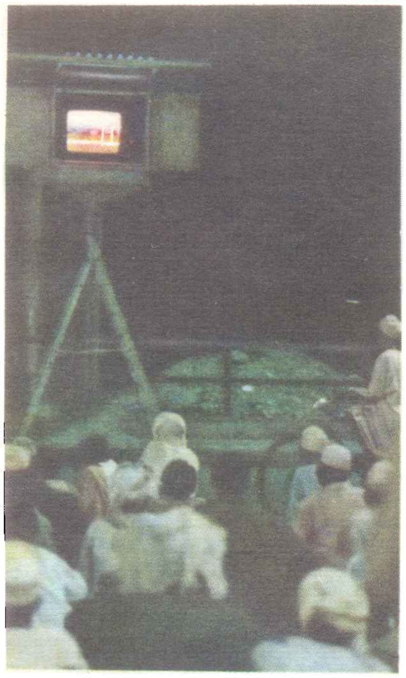

МОРСКОЙ ЭТАЖ САХАРЫ

«Сахара — величайшая в мире пустыня», — мы свыклись с этой фразой еще на школьной скамье. Но это только видимый нам «этаж» Сахары. А у нее есть и другой: геологи и буровики, искавшие нефть, наткнулись на полукилометровой глубине на не меньшее богатство — семь настоящих морей толщиной (иначе не скажешь!) до тысячи метров и общей площадью в 4,5 миллиона квадратных километров. И среди раскаленных песков уже появились зеленые круги и квадраты — первые искусственные оазисы, орошаемые дождевальными установками. Правда, перспектива интенсивного озеленения Сахары пока под вопросом: среди ученых нет единого мнения о том, что сталось бы с мировым климатом без гигантской печи, какой служит нынешняя Сахара. Многие утверждают, что будущее — за герметичными фабриками-фермами, не влияющими на экологический баланс. Такие фермы уже создаются в Саудовской Аравии, Египте, Абу-Даби.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЛИЦА — ВПЕРВЫЕ

Вечер у телевизора. Вы спросите: что ж тут такого? Конечно, ничего особенного, если бы дело не происходило в Маскате... До недавних пор этот султанат, занимающий юго-восточную оконечность Аравийского полуострова, по праву претендовал на звание самого дремучего уголка планеты: феодализм, безграничная власть султана над своими подданными. И конечно, беспросветная нищета этих подданных. Между тем султан получает фантастические деньги за продаваемую западным концернам нефть. Часть куша он решил в этом году истратить на закупку цветных телевизоров. По законам шариата изображение человеческого лица считается смертным грехом, и реакционное духовенство не желало и слышать о телевидении. Однако султан, по его словам, принял решение «шагать в ногу со временем». В духе этой программы он завел себе несколько дворцов, а при них конюшни с кондиционированным воздухом, дюжину самых дорогих лимузинов и пару реактивных самолетов с тронами для своей особы. По телевизору эта роскошь благоразумно не показывается — султану докладывают, что в стране и без того чрезвычайно велико недовольство.

НЕ НАУЧИВШИСЬ ХОДИТЬ...

Австралийцы считают свой континент большим островом, а островитяне должны сызмальства осваивать водную среду. Да, но с какого возраста? Спортивный врач и тренер Джером Джус считает, что... с любого. «У ребенка нет врожденного страха перед водой. Страх ему внушают взрослые, — утверждает он. — Полуторамесячные младенцы способны держаться на воде. А в шесть месяцев они уже ныряют, задерживая дыхание. Хорошо, правда, на всякий случай оставлять во рту соску. Но главное предупреждение: подобные занятия ни в коем случае родителям нельзя начинать самим. Присутствие врача и опытного тренера обязательно!»

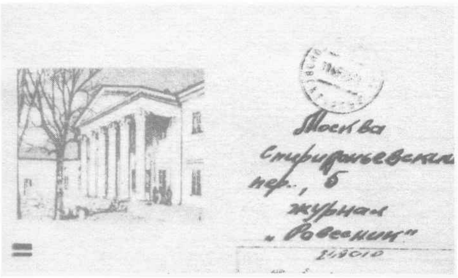
КАК БЫТЬ СО СЛОНАМИ?

Страшно представить себе, что в один прекрасный день придет сообщение: «Сегодня погиб последний на Земле дикий слон». Между тем такая опасность есть. Цены на слоновую кость стремительно растут, и браконьеры в странах Африки трудятся, что называется, с полной отдачей. В последнее время крупнейшим покупателем этого «сырья» стал Китай: 99 процентов бивней попадает в Гонконг, откуда их переправляют в КНР. Китайские резчики по кости изготовляют искусные поделки, продаваемые на валюту. С другой стороны, нужды земледелия заставляют африканские страны сокращать площадь дикой саванны, а слону ежедневно требуется до 600 килограммов свежей зелени. Единственный выход — сгруппировать молодых животных в национальных парках. Один из моментов этой операции вы видите на снимке.

Я ВАМ ПИШУ, ТАТЬЯНА!

Письмо, собственно, пришло в редакцию (конверт его вы видите слева), и по всем правилам мы должны были бы написать его автору, военнослужащему Шакину Николаю Ивановичу, так: «Дорогой Николай! Редакция, к сожалению, не в силах Вам помочь, так как мы занимаемся темами, связанными с жизнью молодежи за рубежом. Ваша же просьба...» Но в том-то и дело, что сама просьба и само письмо были столь необычными, что обычно, по правилам, мы поступить не смогли. Да и кто простит себе, если по лености или по каким другим обстоятельствам он упустит случай помочь влюбленному! А тут как раз такой случай. Потому-то, нам думается, каждый поймет то удовольствие, с каким мы делаем исключение из правил, пересказывая вкратце историю встречи Николая и девушки по имени Таня.

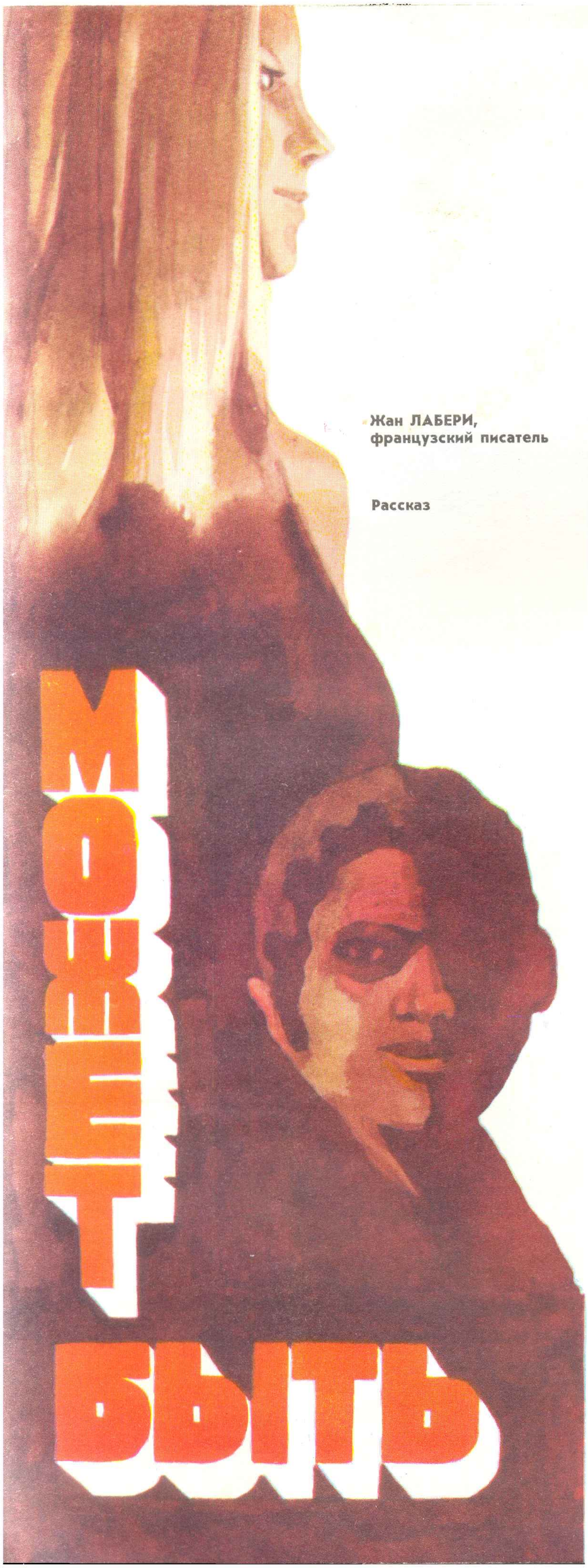

Это нечаянное и скоротечное знакомство случилось на аэровокзале в Краснодаре. Николай вылетал в Москву, девушка поджидала самолет из Свердловска, с которым в половине первого ночи (дату Николай забыл написать) прилетала ее мама. Тане лет 19, была она (цитируем) «среднего роста, в синей кофточке и брюках. Чуть худощавое лицо, большие карие глаза и каштановые волосы, падавшие на плечи, делали ее красивой». Татьяна окончила медицинский техникум в Свердловске и работает в больнице небольшого поселка недалеко от Краснодара. «У нас было полчаса до ее самолета, мы ходили по тротуару, желтый свет фонарей переливался в ее глазах, а я все глядел на нее и слушал внимательно; отвечать же старался коротко, потому что мне хотелось слушать ее вот так, не переставая... На прощание она пожелала мне счастливого полета и ушла. Я смотрел ей вслед и никак не мог прийти в себя. Я даже не спросил, где она живет, чтобы написать ей...»

В конце Николай пишет: «Я знаю, она выписывает «Ровесник», и, прочитав мое письмо, я верю, отзовется». Нам тоже хочется в это верить. И потому мы в редакции ждем Вашего письма, Татьяна.

СЛЕДИТЕ ЗА ВЕСОМ. Как похудеть быстро и без особенных хлопот? Мечта об этом не оставляет множество женщин. (Впрочем, и мужчин тоже.) Рецептов много. Вот, например, японец Катсуми Сузуки похудел на два килограмма за четыре с половиной часа, точнее — за 4 часа 22 минуты и 50 секунд. За это время он перепрыгнул через скакалку 37 427 раз. И не только похудел — попутно прыгун установил соответствующий мировой рекорд. Что и говорить, способ нелегкий. Есть, правда, и другие методы. Один из них — меньше есть, но он требует гораздо больших усилий.

ЛИЧНОЕ ОРУЖИЕ. Краткосрочные курсы самообороны для женщин открыла одна частная фирма в Париже. Но чем же обороняться? «Лучше всего — зонтиком, — заявляет инициатор курсов. — В самое короткое время наши слушательницы настолько хорошо овладевают этим несложным устройством, что в их руках он становится грозным оружием против любого грабителя». В теоретическую часть курсов входят следующие разделы: история зонтика; конструкция и материалы; зонтик как рапира, дубинка и прикрытие; зонтик как надежное орудие психологического устрашения; нераскрытые тайны зонтика.

МОЖЕТ БЫТЬ

Жан ЛАБЕРИ,
французский писатель

Рассказ

— Перестань гипнотизировать вещи, — говорил в детстве отец. — Если ты смотришь на кофейник пристальней обычного, он от этого не закипит скорее.

У нее была такая привычка — смотреть на предметы широко раскрытыми глазами, но не видя их, а думая о своем. Это состояние накатывало на нее в любое время, в одиночестве или на людях. «Ау, опять потерялась?» — улыбаясь, спрашивала тогда мать. И Клер всплывала нехотя, еще цепляясь за сокровенные мысли и с сожалением оставляя их на потом.

— Ты никогда не сможешь водить машину, — еще утверждал отец. — От твоего внимания ускользают детали. Видишь ли, величайшая рассеянность — это и величайшая сосредоточенность. Но на другом. Отсюда — неадекватность реакции и, как следствие...

Отец всю жизнь проработал школьным психологом в Треву и был там одним из самых уважаемых граждан, хотя провинциальные коммерсанты знали, что закладная по дому не выплачена и никакого состояния дочери мсье Масиньи не оставит. Когда Клер поехала в Лион учиться на медицинский, отец сделал заем в местном отделении банка «Братья Лазар». Директор филиала мсье Герак был рад услужить старому знакомому: «Мсье Масиньи, мы проведем это как целевой кредит. Можете не беспокоиться, первые два года будете выплачивать по начальной учетной ставке... А ученье Клер примем в качестве депозитного обеспечения».

Банкир засмеялся, очень довольный.

Сейчас все это было бесконечно далеко, в отсеченном времени, где осталось детство, сладкая микстура, праздничные репетиции хора и каникулы в Альпах. Ау, Клер потерялась.

Может быть, она и вправду потерялась среди привычных вещей. Фонари за окном масляно отсвечивали в воде Роны, а веки налило такой тяжестью, что моргать сделалось больно. Утратили всякий вкус сигареты, и Клер, привалившись к тахте, только щелкала зажигалкой. Язычок газового пламени послушно выстреливал и гас. Опять и опять. Она искоса глядела в окно на нервозную дрожь фонарей, а потом на комнатное пламя, выщелкивавшееся из стального корпуса. Опять и опять.

Ожидание, как ни странно, давало иллюзию действия, словно время не уносилось в пустоту, а приближало к чему-то, что должно произойти, непременно должно. Вид знакомой мебели, выбранной «для асимметрии», сейчас раздражал. Но больше всего хотелось не видеть телефонного аппарата, нелепый белый корпус с лопоухими мембранами. «Кинематограф белых телефонов», — сказала Эвелина, когда пришла взглянуть на студию, снятую Клер. Эвелина — человек уверенный и язвительный, что, впрочем, естественно при ее внешности и фигуре. Она вполне могла устроиться, и как следует, в Париже, а не сидеть в лаборатории. Но Клер как раз была рада, что Эвелина осталась в Лионе, взяв первое время за правило заботиться о маленькой Клер. Ей первой Клер рассказала о начале того, что Эвелина окрестила «экзотическим романом». Вместе с Эвелиной они отправились по объявлениям снимать комнату, пока не остановились на этой студии. Шестой этаж на набережной Роны, маленькое жилое помещение плюс кухня с душем за пластиковой занавеской. Но главное — ключ от подъезда и лифта, делавший ее абсолютно независимой. Нет консьержки — счастливое нововведение многоквартирных блоков.

Первое время по всей комнате были разбросаны ее книги и конверты от пластинок; теперь они аккуратно уместились на полках, повешенных Катебом. Простенок был заклеен цветными плакатами. Между широкой тахтой и письменным столом оставался небольшой пятачок. Там, после того как в полшестого трещал будильник, Катеб занимался спортом.

Ритуал не менялся. Когда Клер, запрокинув голову, смотрела на Катеба, глаза у нее были как у привязанного к рельсам человека, уже заслышавшего гудок локомотива. Губы шевелились, повторяя счет вслед за сопением Катеба, отжимавшегося на руках от пола. Когда он вставал, на лбу у него вспухала голубая вена. Клер не любила эту полосу — она напоминала ей приступы ярости Катеба, тихой ярости человека, которому непозволительно шуметь.

— Жертва сегодня устроила скандал врачу-интерну, — сказал однажды он, вернувшись из клиники. — Мсье, которого доставили после автомобильной катастрофы и сложили по кускам, возмущен, что ему перелили не ту кровь.

— Как не ту?

— Чужую.

— Так ведь она консервированная, в банках.

— Вот именно. Но на банке стоит дата и фамилия донора. И вот мсье влили кровь некоего Ахмеда Лашми!

— Ну и?

— Ну и! Ты что же, не понимаешь, что ему в вены попала нечистая кровь. Мсье не какой-нибудь метис, он чистопородный

француз, голубая кровь, а ее ему испортили! Он орал так, что чуть не умер второй раз!

На лбу у него пульсировала вена...

Потряхивая головой, словно вылезший из воды пес, он подходил к ней, нежно прикасался губами к глазам. Потом он начинал прыгать через воображаемую веревочку. Пять минут в надоедливом ритме. Потом следовал бой с тенью. При счете 180 Клер говорила: «Динь!», имитируя гонг в конце раунда, он останавливался, глубоко дыша, ровно одну минуту, потом следовало новое «Динь!», и опять, танцуя на пятачке, наносил удары теням.

— Держать такую форму и все зазря! — восклицал он, уходя за пластиковую занавеску с японским рисунком и включая шелестящий душ.

Хотя зря он ничего не делал, не мог себе позволить. Была надежда пробиться весной в клуб «Лионских петухов» и попробовать выступить сезон в легком весе. Тогда ко времени начала самых важных экзаменов он выколотит из соперников — или соперники выколотят из него (проигрыш тоже деньги) кое-какую сумму. Главное, он сможет отказаться от ночных дежурств, после которых слушание лекций оказывалось сущей пыткой, до того слипались глаза. Это все очень важно для Катеба.

— Мадмуазель Масиньи не приходилось жить стиснув зубы,— сказал он ей в самом начале знакомства в больничном коридоре, где работал санитаром. — Мадмуазель ведь как все. Как все здесь, — уточнил он.

— Мадмуазель Масиньи не такая, как все, — прошептал он, когда они первый раз поцеловались в кино. Его белые-белые зубы весело сверкнули в темноте. На них зашикали.

Когда они с толпой вышли на улицу, Клер прильнула к нему, но Катеб, очень серьезный, отодвинулся.

— Не надо, чтобы нас видели так на улице, — сказал он. — Для тебя не надо...

Телефон молчал уже много часов, становясь все более ненавистным. Обрывки умолкших разговоров беспорядочно роились в голове.

— Клер? Рад слышать тебя. Надеюсь, все в порядке? Нет, не видел, а разве он не у тебя? Хотя иначе ты бы не звонила... Уверяю, нет никаких причин для нервозности... Да, дорогая, я рассудочен, но рассудочность прежде всего экономит время. Вместо того чтобы дергаться, я включаю мышление. Итак, по порядку.

(Его нет. Наутро, после того как уехал отец, он пошел на дежурство в больницу. Ему объявили, что он уволен. Домой он не вернулся. В той трущобе, где он жил раньше, отель «Тур д'Элис», его нет, я туда ходила. Друзья не знают. **Его** друзья. В университете не появлялся.)

— Клер, но это по меньшей мере неразумно. Во-первых, Катебу не десять лет, он совершеннолетний, не так ли? И потом, его родословная... Короче, я хочу сказать, ты же не можешь знать **всех** его занятий. Словом, я попытаюсь что-нибудь выяснить. И не вешать носа, а?

— Клер, мамочка моя, как хорошо, что ты позвонила! Знаешь что, я считаю, нам незачем терзать телефон, приходи лучше ко мне, и мы замечательно поговорим. Нет-нет-нет, не желаю ничего слушать. А... ясно. Ну, как твоя восточная любовь? Знаешь, моя мать, она жутко передовая, считает, что ты ведешь большую игру. Кстати, я видела на прошлой неделе... э-э-э... ну, конечно, Катеба — он на подготовительном, да? И работает у моего отца в клинике, так? Аккуратный такой, совсем не в стиле... нет честное слово, он **очень** мил. Обычно они слишком темные. Что-о-о?! Нет, мамочка, ты сошла с ума. Замуж? Боже, мне ведь кто-то говорил, не помню кто, что ты собралась, но я не поверила. А кто бы поверил? Нет, я все понимаю, но почему именно замуж! Послушай, а что, если вдруг — представь себе на минутку — он потребует, да-да, у **них** это принято, требовать, чтобы ты сопровождала его в гарем, или как там. И тебе придется стать «мадам Катеб»! Слушай, тебе известно, что у них жена не садится за стол вместе с мужем? Ха-ха, представляю нашу малышку Клер с подносом в руке. «Салам алейкум!» Дивное зрелище, не забудь прислать мне фотографию... Уволили? Что ты говоришь... Хорошо, я попробую узнать. Но имей в виду, я ничего не обещаю — папа человек старого закала, и у него в Марокко, то ли в Алжире были **дела**. Но никакого отчаяния, это портит цвет лица. Бай!

Клод Шапле, хотя и была треплива, верный человек. Она позвонила час спустя с такой вестью: Катеба уволили из клиники по просьбе мсье Масиньи, специально приехавшего из Трсву. И это не все. У ворот Катеба ждал полицейский фургон.

Катебу больше всего не хотелось иметь дело с полицией.

— Ты пойми, полиция — это бывшие военные. А где они заработали свои нашивки? В Алжире, на усмирении.

— Кто говорит? Клер Масиньи? Слушаю вас, мадмуазель. Как вы сказали? Катеб Бушсахи? Это что, араб? Не знаю, мадмуазель, в списках арестованных его нет. У вас на него жалоба? А... Что ж, если он просто задержан, то в такое время вам никто сведений не даст. Всего хорошего. Завтра утром сможете узнать у капитана.

— Клер? В такой час? Но отец уже спит. И потом... он считает, что все сказал тебе во время вашего свидания. Ты не хотела его понять, и это ужасно. Должна тебя сразу предупредить, что разговор оставил у меня горький осадок. Мы ведь не расисты, далеко нет. Ты, возможно, помнишь, а если не помнишь, я тебе скажу, что в свое время отец был против войны в Алжире и у него даже из-за этого были неприятности в школе. Но он все выдержал. Но ты — это совсем другое дело, ты наша дочь. Пойми, человек живет не в безвоздушном пространстве, мы связаны нитями своего происхождения, воспитания, своего круга, наконец. А ты хочешь опуститься на дно. Есть границы безответственности, и вот сейчас ты намерена их переступить... Нет, пожалуйста, не перебивай меня, я должна договорить. Ты не осознаешь, что, в сущности, вы люди двух разных миров, разных культур. Ты, возможно, ослеплена своей страстью, но страсть быстро проходит, поверь уж мне... И есть поступки поправимые и непоправимые. То, что ты намереваешься делать, относится к категории непоправимых... Я не сторонница морализирований, но, когда мы видим, что гибнет наша дочь, мы обязаны сделать все, чтобы тебя спасти. Это наш родительский долг... Ты не подумала, что́ скажут твоему отцу в банке. Ты не подумала о нас вообще. Но мы не можем не думать о тебе... Да, папа просил директора клиники, чтобы тот **повлиял**... Нет, о полиции мне ничего не известно...

Катеб, Кати́ звала она его. По утрам он был совсем мальчиком, особенно когда макал куски хлеба с маслом в кофе; волосы его короткой стрижки топорщились, как у школьника, и Клер казалась себе взрослой. А вечером она ждала, когда он тихонько посвистит с набережной, и это было совсем как в детстве, когда она оставалась дома одна. Ау, она потерялась...

Коротко буркнул телефон.

— Клер? Это Жан-Люк, я не слишком рано? Тогда слушай, новости такие: Катеба уволили из клиники, это ты знаешь. Но дальше: полиция отобрала у него разрешение на работу и, как следствие, выслала из страны в 24 часа, есть такая мера. Нет, в Италию. Причем до высылки держали, не выпуская, в участке. Мы этого дела так оставлять не должны!.. Алло, ты меня слушаешь? Почему все равно? Но зачем ты поедешь в Италию, сумасшедшая! Лучше оставайся дома и жди звонка... Алло, ты меня слушаешь?

Чемодан цеплял за дверцу лифта и никак не хотел пролезать. Наконец дверца захлопнулась, и кабина заскользила вниз.

Движение на набережной уже набирало силу, рычали тяжелые грузовики, горбатые спины малолитражек отливали под дождем холодом. По счастью, такси стояло за углом.

— Аэропорт, пожалуйста, я тороплюсь.

— Аэропорт отменяется, моя милочка. Забастовка наземных служб, утром слушали радио? Так что даже, если у вас собственный самолет, вы не подниметесь. Может быть, отвезти на вокзал?

...Может быть... Может быть...

Рис. Л. Корнеева Перевел с французского Б. Тишинский

Главный редактор А. А. НОДИЯ.

Редакционная коллегия: В. Л. АРТЕМОВ, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ (зам. главного редактора), О. А. ГОРЧАКОВ, В. В. ГРИГОРЬЕВ, М. А. ДРОБЫШЕВ, В. П. МОШНЯГА, В. Д. ОСИПОВ, Б. А. СЕНЬКИН, С. А. ЧИБИРЯЕВ.

Художественный редактор О. С. Александрова
Оформление А. В. Громова
Технический редактор В. Н. Савельева

Адрес редакции: Москва, 103104, Спиридоньевский пер., 5.
Телефон 290-36-55. Рукописи не возвращаются.
Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 17/X 1975 г. Подп. к печ. 26/XI 1975 г. А08267. Формат 60×90 1/8. Печ. л. 3 (усл. 3). Уч.-изд. л. 5,2. Тираж 470 000 экз. Цена 20 коп. Заказ 1795.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

МЕЛОДИИ

Редакция «Ровесника» получает множество писем с просьбой рассказать о выпуске пластинок, изготовляемых в СССР по лицензиям фирм грамзаписи западных стран. На ваши вопросы, дорогие друзья, отвечает старший редактор Всесоюзной фирмы «Мелодия» В. Бугаев.

— Наши читатели уже знакомы с записями, изготовленными по лицензиям американской фирмы «Си Би Эс» — Рэя Конниффа, диск джазового трубача Майлса Дэвиса.

— Скажите, какие еще пластинки, выпущенные по лицензиям этой фирмы, появятся в ближайшее время в продаже?

— У «Си Би Эс» закуплены лицензии на производство дисков знаменитого американского композитора, пианиста и аранжировщика Дюка Эллингтона, джазовой певицы Эллы Фитцджеральд, в скором времени выйдет и пластинка с записью оркестра под управлением Берта Кемпферта.

Кроме перечисленных, я мог бы назвать еще английскую фирму «ЕМИ Рекордс» — по ее лицензии выпущен «Золотой диск» Сальваторе Адамо. У фирм грамзаписи Федеративной Республики Германии «Ариола-Эвродиск» и «Полидор» закуплена лицензия на производство двух пластинок хора и оркестра под управлением Джеймса Ласта. Сейчас рассматривается возможность заключения договоров и с другими фирмами Европы и Америки.

— Некоторые читатели пишут, что в магазинах их городов трудно купить выпущенные «Мелодией» лицензионные пластинки.

— Лицензии на производство некоторых пластинок — например, Рафаэля, Сары Монтьель, Долорес Карины, ансамбля «Лос Анхелес» — были проданы нам без ограничения тиража. Но, как правило, тираж пластинок, изготовляемых по лицензиям западных фирм, ограничен — это один из пунктов договора. Фирма «Мелодия» ведет переговоры о дальнейшем увеличении закупок, так что в будущем, я думаю, мы сможем полнее удовлетворять желания любителей музыки.

И РИТМЫ

Индекс 70781
Цена 20 коп.